

"Маг. Новая реальность"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1

Голова болела просто жутко. Казалось, при малейшем движении в ней перекатывался бугристый чугунный шар, сминавший мозги в лепешку. Непроизвольно застонав сквозь сжатые зубы, я кое-как перекатился на бок и попытался сесть. Куда там! Мир немедленно закружился и немилосердно ударил в лицо прелой листвой и какими-то полусгнившими ветками. Накатила тошнота. Покормив жучков вчерашним ужином вперемешку с желчью, я незаметно для себя очутился на четвереньках. Уже кое-что. Можно попробовать встать. Ох нет, это я зря. Постою пока. Хруст справа. Успеваю повернуть голову – только затем, чтобы увидеть, как чья-то нога в кожаном сапоге с размаху пинает меня в живот. Ой, опять тошнит... Уже нечем! Темнота...

- Странная добыча нам попалась, не находишь?

- Очень странная, шун Торр.

- Давай по порядку, Маний. Что ты разузнал?

- Да, шун. Итак, во время охоты наш уважаемый мэтр Лирий сообщил, что услышал непонятный всплеск к востоку от загона, где-то между Плесью и Игристой, то есть еще на вашей земле, шун. Я направил туда квад егерей, и к вечеру они принесли его. Нашли точно там, где было указано, голым, никаких вещей и следов вокруг не обнаружено. Откуда он взялся, непонятно. Ну, то есть, скорее всего...

- Выводы потом, давай сначала факты.

- Судя по внешнему виду, это человек, мужчина лет двадцати пяти – тридцати. Мэтр Лирий подтверждает, что и внутри тоже. Телосложение среднее, даже хлипковатое, особых примет нет, вот только мозоли необычные. Не наши мозоли. Руки мягкие, небольшие мозоли только у оснований пальцев, словно он иногда подтягивался. Ступни тоже мягкие, он всю жизнь ходил в хорошей обуви. Костяшки пальцев не сбиты. Кожа на руках, лице и шее не обветрена, никаких цыпок или морщин. Чисто выбрит, причем растительность сбрита не только на лице, но и в подмышках и в паху. Зубы в порядке, только на пяти коренных видны непонятные следы. Стрижка необычная, не наша. Кроме того, на месте обнаружения имелись следы рвоты. Егеря собрали их и доставили мэтру Лирию. Ранее такой человек в ваши земли не въезжал и никому не известен. Следящая сеть на границе не нарушена, следов проникновения ни по земле, ни по воздуху нет. Всё.

- Твои выводы?

- Однозначно, не наш. Видно, что горожанин, в поле работал мало или вообще не работал,

однако физически крепок, жилист, регулярно питался и хорошо одевался, имел доступ к лекарю. Пища, кстати, тоже не наша. Повар смог распознать только одно блюдо – что-то вроде небольших колбасок с дрянным содержимым. Могута долго ругался, сказал, что так испортить фарш нужно уметь. Он не нашел в нем мяса вообще! Мэтр Лирий насчет всплеска ничего внятного сообщить не смог – ни с чем подобным он раньше не сталкивался. Зубами же очень заинтересовался – часа два рассматривал. Лекарь этого человека каким-то образом удалил из больных зубов все ненужное и закрыл отверстия непонятным, но очень прочным составом. Весьма странно. Как будто он не мог просто вырастить ему новые. Исходя из всего этого, считаю, что наш гость появился здесь именно в результате того всплеска. Появился откуда-то очень издалека. Настолько издалека, что мы даже не слышали о месте, где делают отверстия в зубах.

- Замкарье?

- Вряд ли, загар не тот.

- Ладно, гадать не будем. В каком он состоянии сейчас?

- Ну жить будет... Видимо, при появлении здесь ему стало плохо, раз он там заблевал всю округу, даже на сапог егерю попал. А они парни простые, отпинали его как следует, а потом влили ему порядком этой своей сонной гадости. В общем, сейчас спит, должен очнуться ночью или к утру – и я ему тогда не завидую...

- Посади там человека, пусть присматривает, как он себя поведет.

- Уже, шун.

О-о-о... Еще недавно я не понимал, как же мне было хорошо. Болела одна голова. А сейчас... Ур-р-р-р. Уф, откуда во мне столько желчи? Не болит только в паху... Ай, там тоже болит! Такое чувство, будто по мне пробежало стадо очень упитанных бегемотов. Ребра, похоже, треснули, пара штук как минимум. Все тело как один большой синяк, вдобавок то и дело выворачивает наизнанку, в голове туман, небось сотрясение, пальцы на правой руке не сгибаются, распухли, как вчерашние сосиски... Ур-р-р-р. Это я зря, про сосиски-то... Ур-р-р-р...

Ну вот, можно разогнуться. Поздравляю с достижением! Так, садимся, аккуратненько, за стеночку держимся... Что у нас тут? М-да, очевидно, я не дома. Стены коричневые, шершавые, не кирпич – похоже, из тесаного камня, причем все булыжники разных размеров. Под задницей широкая лавка, почти как односпальная кровать, отполированная сотнями других задниц. Тепло. Воняет кислятиной. Причем от меня воняет. А куда я Борю звал-то? Наклоняюсь и вижу под лавкой нечто странное. Плоский широкий таз овальной формы, *деревянный*. В смысле не корыто из дерева, не долбленка, а что-то похожее на гнутую фанеру. Не знаю, как это описать. Ладно, разберемся. Дальнейший осмотр показал, что нахожусь я в комнате размерами примерно шесть на три, из обстановки только лавка и серое шерстяное одеяло на ней да тазик с отходами моей жизнедеятельности. Окно есть, стрельчатое, довольно узкое, но чтобы выглянуть в него, сперва нужно встать с кро... тьфу, лавки, и дойти до противоположной стены, а на это сил пока нет. Пол ровный, тоже каменный, чисто выметенный. В стенах на уровне пола чернеют небольшие отверстия, как норки для мышей. Потолок, как можно догадаться, ничем от пола не отличается, разве что дырок нет. Ну и дверь – завершающий элемент моих апартаментов. Солидная такая, из темного дерева, перекрещенная толстыми железными полосами с большими заклепками. В двери круглое отверстие в верхней трети – глазок, надо понимать. А в этом глазке чей-то любопытный глаз.

Опа! Тут и живые есть, оказывается. Смотрю на глаз, он смотрит на меня. Эта игра продолжается довольно долго, затем я решаю пока на него плюнуть и посмотреть наконец в окно. Сложная задачка. Так, наверное, шаркают пораженные подагрой старики, мне для полного сходства только палочки не хватает. Э-э, а окно-то у нас непростое. Рамы нет, стекло нет, а вот не дует ни капельки. На улице вроде осень, уныло-печальные горы, кое-где тронутые первым снегом, горы... и еще раз горы. Насколько хватает взгляда, везде горы. И внизу тоже они самые. Еще из интересного – речка, очень быстрая и бурная, вода в ней даже на вид ледяная. Вдоль речки – клочки обработанной земли, кое-где пасутся стада мелких, отсюда не разглядеть, животных. Небо серое, набрякшее дождем. То есть по всему там должно быть холодно и сыро, а вот мне здесь тепло и сухо. А стекла нет. Интересно... После пристального разглядывания обнаруживаю тоненькую металлическую рамочку, вмурованную в камень примерно на середине толщины стены. Оно? Обшариваю взглядом комнату, пытаюсь найти какую-нибудь щепочку, чтобы сунуть в створ: палец совать – дураков нет. Тьфу, снова этот глаз! Смотри-смотри, вуайерист недоделанный. Решаю оторвать кусочек пряжи от одеяла, в которое я завернулся. Хорошо что я не сунул туда палец – шерсть чернеет, обугливается и... исчезает, как только я пытаюсь с ее помощью пересечь воображаемую плоскость «окна». Нет, ни фи́га не воображаемую! При каждом прикосновении она становится видна – слабо светящаяся красным плоскость. Кстати, оттуда слабенько, но ощутимо веет теплом. Это что же, физическая реализация демона Максвелла? В окне?

Так, хватит уже отгонять от себя эту страшную мысль! Парень, прости, но, в общем, ты попал.

Не понял... Почему я снова на лавке? Мне уже значительно лучше, но ведь я вроде бы стоял у окна? Так, вспоминаем по порядку: я очнулся, встал, подошел к окну и увидел... что я увидел-то? Горы, речку, две луны... Что? Тут мой взгляд упал на почерневшие остатки шерсти на широком подоконнике, и я вспомнил...

Наверное, мне потребовался час или больше, чтобы немного выйти из ступора, в который меня загнала мысль о том, что я все-таки попал. Крепко попал! Нет, я лично никогда не надеялся на это, но, читая книги о разного рода попаданцах, иногда непроизвольно примеривал на себя подобные сюжеты. В итоге я пришел к выводу, что попасть просто так, с пылу с жару, так сказать, на полушаге, мне очень не хотелось бы. Вот если б знать за неделю, а лучше за месяц или вообще за пару лет... Ну да, ну да, галушки тоже иногда сами в рот залетают.

Ладно, отставить панику. Примем за данность, что я все-таки в ином мире. Две луны и демон Максвелла говорят об этом однозначно. Сила тяжести, насколько я успел заметить, не отличается от земной, так что прыгать по-барсумски не придется. Воздух – просто песня, чист и свеж настолько, что это даже не горный санаторий. Так. И что делать? Для начала неплохо было бы выжить. Первое, что приходит на ум, – микроорганизмы. К местным болезням иммунитета у меня наверняка нет, как и наоборот. Если возникнет эпидемия, меня пристукнут с той же вероятностью, что и убьет какая-нибудь местная бактерия. Еще и сожгут, наверное. Что-то уныло получается. Согласно этой гипотезе, я уже труп, только мне об этом еще не сказали. Что можно сделать? Да ровным счетом ничего – какое-то количество микробов я уже наверняка вдохнул. А раз ничего, то и думать об этом не стоит. Еще варианты?

...Ага, не думай о белой обезьяне. О чем бы я ни пытался думать, все время возвращался к микробам и скорой своей кончине. Паника ощутимо нарастала. Вскоре меня затрясло, потом накатила просто-таки ужасная злоба. Не выдержав, я начал рвать одеяло и ломать лавку – откуда только силы взялись! Впрочем, лавка была сделана настолько просто и добротно, из таких солидных брусьев, что сломать ее смог бы, пожалуй, кто-нибудь вроде Никиты

Кожемяки. Забыв о синяках и ушибах, я бросился к двери и начал колотить в нее изо всех сил. Дверь, словно издеваясь, изредка изволила вздрагивать от особенно сильного удара.

А потом она внезапно распахнулась с такой силой, что меня отбросило на середину комнаты. За дверью стоял высокий старик в белом, похожий на исхудавшего Гэндальфа, и в его руке горел ослепительный огненный шар. Я уставился на шар как замороженный, не замечая ни толпящихся позади старика вооруженных людей, ни собственной наготы. Магия! Здесь есть магия! Тем временем старик вытянул другую руку, и из нее вылетело что-то вроде короткой молнии. Меня выгнуло дугой, зубы закрипели так, что едва не начали крошиться, и последним проблеском гаснущего сознания я успел еще раз подумать: «Твою мать! Магия!»

- Как ведет себя наш гость?

- Очнулся. Был слаб, его рвало. Немного поизучал комнату, весьма заинтересовался тазом, потом выглянул в окно, потом совал в *тэфис* кусок одеяла и смотрел, что с ним происходит. Потом упал. Никасу пришлось войти и положить его на лавку.

- А если бы это было притворство?

- В коридоре ждал квад воинов.

- Предусмотрительно, как всегда. Что дальше?

- Через полчаса он очнулся и долго лежал - видимо, думал. Потом чего-то испугался, очень сильно, стал метаться по комнате, пытался сломать лавку, которую делал Хлюпик, начал колотиться в дверь. Мэтр Лирий его успокоил «шилом».

- Не слишком?

- Вы бы видели, шун Торр, как он бушевал! Он едва не сломал эту лавку, одеяло вообще разорвал в клочки. Мог и порезаться случайно - на воинах много всего понавешано, да и мэтру синяков понаставить.

- Что сделано, то сделано. Кстати, мэтр его проверил на Дар?

- Еще нет, шун, он вчера сильно шумел в своей башне и еще не восстановился. Говорит, завтра. Хотя лично я сомневаюсь, что он что-то обнаружит.

- Почему, Маний?

- Гость очень удивился, увидев обычный *эфаллум*, прямо глаз не мог отвести. Определенно он раньше ничего подобного не видел.

- Хм... удивился, говоришь... И зубы у него... Тебе не кажется, Маний...

- Кажется, шун. Я практически уверен. Охрану уже удвоил, егеря с наказом отосланы на дальний кордон, где особенно не с кем языком трепать, разве что с медведями. Со служанками провел дополнительную беседу. И еще так, по мелочи.

- Хорошо. Нужно учить его нашему языку. Вызови Ланку с Плеси.

- Да, шун.

Похоже, то и дело терять сознание входит у меня в привычку. Очередное пробуждение было тоже весьма неприятным. Все тело вновь ломило, во рту было кисло, и глаза никак не хотели открываться. Впрочем, я быстро сообразил, что просто вокруг почти полная темнота, едва разбавляемая какими-то тусклыми красными сполохами.

Находился я, похоже, в той же самой комнате, разве что одеяло было новое, не рваное, да таз сполоснут. По стеночке добравшись до окна, я увидел в нем ту же темноту, ни одного огонька. Вдобавок там шел дождь – отдельные капли то и дело разбивались о подоконник, и брызги благополучно исчезали в красноватых отблесках, не залетая вовнутрь. Делать было решительно нечего, и я вскоре отправился досыпать, старательно не обращая внимания на громко бурчащий желудок. Ребра, кстати, все-таки уцелели и сейчас болели значительно меньше.

Разбудил меня грохот двери – она стукнулась о стену комнаты так, словно посетитель открыл ее пинком. При одном взгляде на худое лицо вчерашнего старика, на котором высокомерие смешивалось с любопытством энтомолога, стало ясно, что именно так все и было. Старик (про себя я решил называть его Пендальф) сделал несколько пассов ладонью в мою сторону, отчего я сразу напрягся, памятуя вчерашнюю шоковую терапию, однако ровным счетом ничего не почувствовал. Что-то пробурчав себе под нос, он подошел, схватил меня за плечо и небрежным рывком посадил на кровати. В смысле, на лавке. Да какая, к черту, разница! Силища у Пендальфа была страшная, я как-то сразу понял, что этими пальцами он мог и вовсе раздавить мое плечо всмятку. Он начал вертеть меня, словно куклу, осмотрел со всех сторон, заглянул в глаза, в рот, зачем-то постучал по затылку ребром ладони и в довершение всего заставил смотреть на кончик пальца, которым поводил туда и сюда.

Пальцы его были унизаны кучей разнообразных колец, по два-три на каждом, даже на большом, и они никак не гармонировали друг с другом – больно разнородными были по стилю и даже материалу. Складывалось впечатление, что они нужны ему не в качестве украшений, а для чего-то другого. Ну разумеется, он же хренов маг! Нет, все-таки насколько гибко сознание человека, что может успешно обманывать даже самого себя – видимо, оно никак не хотело принимать факты, разрушающие привычную картину мира, и уже любезно забыло недавнюю демонстрацию. Нет уж, дорогой, давай-ка жить дружно... и долго, я ж не пресловутый нагловский лорд, который требовал приносить ему свежие утренние газеты... только с датой выпуска на век раньше. Это другой мир, и здесь есть магия, и замалчивание данных фактов, уверен, не способствует повышению моих и без того скудных шансов на выживание.

Тем временем, пока я проводил внутри себя разъяснительную работу, Пендальф удовлетворился осмотром и направился к выходу, повелительно бросив через плечо пару лающих слов, что-то вроде «Курц ха!». Ничего, естественно, не поняв, я уже собрался снова отправиться на боковую, но старикан возле порога обернулся, грозно сдвинул брови, а в ладони его уже знакомо затрещала и запрыгала небольшая шипящая молния. Нет, так я не играю – в свое время я уже попробовал полицейского шокера. Пришлось изобразить живейшее внимание. Пендальф все же сообразил, что я «нихт ферштейн», и сделал приглашающий жест рукой. Делать нечего, я завернулся в одеяло и пошлепал за ним, благо камень пола тоже был теплым. Может, хоть покормят.

Как же, покормили. Пока я угрюмо шел за стариком, позади топали два крепких мужика в кожаных шапках и кольчугах, вооруженные длинными ножами и небольшими топориками на поясах, а также короткими толстыми дубинками. Этими дубинками они то и дело сочно шмякали себя по ладоням, отчего я непроизвольно ежился. Мог бы и не ежиться, конечно, но лучше пусть думают... вернее, не думают... неважно, короче. После десятиминутной прогулки

по совершенно одинаковым сводчатым коридорам, поднявшись и спустившись по доброму десятку лестниц, мы оказались в коротком тупичке перед очередной очень солидной дверью. За время пути кое-что я все-таки сумел для себя уяснить. Одежда местных обитателей была явно не фабричная, самошитая, шапки вон вообще чуть ли не дратвой прострочены, на топорах отчетливо были видны следы ковки, однако и то и то было примерно одинаковым, на одежде имелось что-то вроде эмблемы или знака отличия – кружок с каким-то узором внутри. Кольчуги из металла серого цвета, очень плотные, как бы даже не восемь в один, хорошо смазанные, длиной до локтя и середины бедра соответственно. Кольца кольчуг же – *сварные!* Оба мужика были чернявыми, ширококостными, умеренно бородатыми и кудлатыми. Похоже, что братья. И они пахли. Нет, они ПАХЛИ. Всю дорогу нас сопровождало непередаваемое амбре из смеси запахов застарелого пота, железа, кожи и прогорклого жира. Маг не пах ничем, а вот моя кислятина добавляла свою малозаметную лепту.

Дверь открылась по жесту Пендальфа, и мы очутились в его, гм, лаборатории. Большая комната, заставленная массой непонятных штуковин. Я бы назвал это оборудованием, если бы оно не выглядело столь странно. Вот чем может быть нагромождение веток вроде гнезда, в котором стоит тазик с прозрачной жидкостью и при этом по дну шустро ползает муравей размером с ладонь? Или каменный на вид куб, проткнутый насквозь острой деревянной палочкой? Или чья-то клыкастая голова, прибитая здоровенным костылем через темечко к толстой овальной доске? И рядом с каждой штуковиной на специальном пюпитре лежат потрепанные фолианты, совершенно одинаковые – явно лабораторные журналы.

В дальнем углу, на свободном пятачке, стояло сооружение, подозрительно похожее на зубоврачебное кресло в средневековом исполнении. И конечно же Пендальф указал именно на него – садись, мол. Я еще чуть помедлил, оглядываясь по сторонам на предмет наличия инструментов принудительного криптоанализа, ничего такого не обнаружил и под очередное сочное «плюх» (уже слегка угрожающее, кстати) залез в это кресло. Против ожидания, никто мне ноги-руки сковывать не спешил, мужики с дубинками отошли и присели на лавке около стены, видимо, подобные зрелища им были не в диковинку и занимали довольно долгое время. Ну а Пендальф раскрыл на столике рядом с собой плоский деревянный ящичек и начал производить какие-то манипуляции. Ни дать ни взять – стоматолог, готовящийся к приему пациента.

Спустя несколько минут он смешал в стеклянной баночке по несколько капель того и сего, образовавшуюся вязкую жидкость поддел жесткой кисточкой, другой рукой открыл мне рот и ловко нанес субстанцию на все зубы. По вкусу это было похоже на смолу, с легким ягодным ароматом. Ничего так. Пендальф же придвинул стул поближе, молитвенно сложил ладони перед грудью и немигающим взглядом уставился на мой подбородок. Я ничего не почувствовал. Хотел было пошевелиться, но понял, что не могу. Вокруг головы образовалось что-то вроде невидимой пленки, очень тугой и прочной. Пока я не двигался, она вообще не ощущалась, однако любое движение сковывала, как намотанный скотч. Руками и ногами можно было шевелить спокойно, однако что толку, если голова в капкане? Заметив мои трепыхания, один из воинов отрицательно покачал головой, показал ладонь, а затем – дубинку. В самом деле, чего это я? Может, у них тут визит к стоматологу так обставлен.

В общем, тем все и закончилось. Пендальф медитировал еще минут пять, потом встал и ушел, ни на кого не оглядываясь. Лоб у него был потный, и мне показалось, что ступает он несколько неуверенно. А еще показалось, что зубы у меня начало чуть-чуть жечь. То ли на самом деле, то ли воображение разыгралось – под таким взглядом оно у кого хочешь разыграется. Пленка с уходом мага исчезла, но подняться с лежбища не дал тот же воин – он поставил рядом маленькие песочные часы и что-то прогудел. Песок пересыпался минут за десять, и после этого мы вернулись обратно в кам... комнату.

Там кто-то подмел и поставил посередине деревянный стол, а рядом лавку поменьше. На лавке обнаружили штаны и рубаша из грубой некрашеной ткани. На столе стоял деревянный поднос с толстыми ломтями хлеба, куском чего-то вроде пареной репы и кувшин. Вот тут-то оно и накатило. Я внезапно почувствовал, что хочу – очень хочу! – пить, есть и сс... в туалет. Немудрено, пугание ихтиандра обезводило организм, ел я вообще не помню когда, а таз, как назло, кто-то убрал. Ладно, будем решать проблемы в порядке важности. Одевшись, я, повернувшись к воинам, приложил руки к развилке между ног и сказал: «Пс-с-с». Меня поняли. О-о, благословенная мужская солидарность! Толчок оказался в конце длинного коридора – просто маленькая квадратная комната с овальной дырой в центре пола. Там же стоял истертый веник, плетеный короб с камнями и пара кувшинов с водой, большой и маленький. Кувшины, кстати, были довольно примечательные, невысокие и широкие, на манер чайника, с коротким носиком и крышкой. На крышке чем-то белым, похоже извешкой, был выведен знак «приблизительно равно». Я хмыкнул. Сделав свои дела, вернулся в коридор, где поджидал воин. Сразу в комнату мы не пошли, вместо этого он загадочно поманил за собой и провел к противоположному концу коридора, примыкающему к более широкому проходу. Указал пальцем на что-то на стене. Я присмотрелся и увидел точно такую же металлическую рамку, что была в окне. Пол, стены, потолок – все точно. Воин ткнул в нее, сделал вид, что переступает через плоскость – и провел большим пальцем себе по горлу. Вполне красноречиво. Я кивнул, и мы вернулись в комнату. Воин небрежно окинул ее взглядом и ушел, опять же не попрощавшись.

Оставшись в одиночестве, я задумался. Похоже, мой статус изменился. Теперь мне можно выходить в коридор, в комнату добавили мебели, еды принесли... Ладно, будем жить. Я уселся за стол и начал метать куски. Стеречься отравы смысла не было ни малейшего. Хлеб оказался очень вкусным, никакого сравнения с магазинными кирпичами, репа – она репа и есть, вернее, неизвестный мне отварной корнеплод. Ну а в кувшине была просто вода. Что интересно, всякие истеричные мысли о микробах меня больше не беспокоили – видимо, многократная перезагрузка сделала свое дело. К концу трапезы я почувствовал нарастающее жжение в челюстях. Там пекло. Там зудело и свербело, словно орда маленьких гномов с отбойными молотками и кирками Дурина подбиралась к корням зубов и пыталась выкорчевать их пятилеткой в три года.

К вечеру выпал первый зуб. Я метался по комнате разъяренным орангутангом, колотил в стены лавкой, обломки стола давно были запихнуты в угол и многократно оплеваны. Ни сидеть, ни спать было невозможно – во рту поселились уже два хирда гномов и сверлили и копали так, что просто элберет твою гилтониэль. Барук вам в гхыр, улундо уванимо! Десны воспалились – не прикоснись, язык вообще с трудом ворочался, плевать приходилось слюной пополам с кровью.

К утру я превратился в младенца. В смысле у меня не осталось ни одного зуба вообще, и я уже не мог даже пошевелиться, в тупом оцепенении лежал на полу и смотрел в никуда. Хотелось плакать, но даже на это сил не было. Вся вода давным-давно была выхлебана, новой не ожидалось – ночные буйства в коридоре привели ко вполне предсказуемому эффекту – пришли давешние мужики и заперли комнату на засов. Снаружи. Вот и приходилось тихо хрипеть на полу, облизывать растрескавшиеся губы и мечтать об океанах прохладной пресной воды...

В чувство меня не смог привести даже звук отодвигаемого засова. Кто бы там ни был – гхыр с ним, и идет он на гхыр тоже! Скрип двери... и все. Не понял... Минуту спустя, когда ожидание стало совсем уж нетерпимым, все-таки пришлось посмотреть в ту сторону. В дверном проеме стоял, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, подросток лет пятнадцати на вид. Явный принеси-подай, одежда, осанка и выражение глаз прямо-таки кричали об этом. Глаза, кстати,

были нехорошие. Любопытные, живые, но... мутные. Такое я раньше уже видел, дома. (Эх, где теперь тот дом?) Такие смотрят на плачущего ребенка и прикидывают, сможет он еще громче заорать или нет. Паскудные у него были глаза.

- Гх-хх... Чх-х-х... - а говорить-то без зубов и не получается, мало практики, так сказать. Ух, как десны болят!

Паренек только отодвинулся с легкой опаской. Попробуем по-другому: тычок пальцем - ты, тычок себе в грудь - мне, губы трубочкой, ладонь ковшиком - фьюить - попить, тычок в кувшин - воды, жест к себе - принеси. Дошло? Дошло! Парень исчезает и спустя минуту возвращается с пузатым кувшином. Буквально вырываю его из рук и с полминуты, наверное, могу только жадно глыкать. Вода-а-а... Вдруг я краем глаза ловлю взгляд паренька, и что-то в нем заставляет меня насторожиться. Он глядит с этакой гаденькой усмешечкой и нездоровым интересом...

А ну-ка... Помнится, в детстве в школе у нас был такой же хорек. В класс перевелся мальчик-чукча, который русский язык знал ровно настолько, чтобы не потеряться по дороге домой, а писать умел и того хуже. К слову, математиком он был Отцовым благословением, диффы и интегралы в уме щелкал, как белка орешки. Так вот, однажды Авыныквын - так его звали, все еще шутили, что это единственный в мире аналог сталинского «вылысыпыдысты», - имел неосторожность обратиться за помощью к тому хорьку. Спросил, как написать «Таня, ты красивая, давай дружить». Написал согласно совету и долго потом смотрел вслед рыдающей Тане, а на щеке горел след ее ладони. Впрочем, в итоге все равно вышло хорошо. Хорька спустили искупаться в дыру, после чего он навсегда заимел кличку Скунс, а Таня сразу после школы вышла замуж за Авыныквына, лауреата Имперской премии по математике.

Так вот, этот парниша взглядом походил на хорька один к одному. Где он мог мне... Да ну на фиг! Быстро опустив глаза, обнаруживаю знакомое «приблизительно равно» на крышке. Та-ак... Паренек уже бежит в выходу, хорошо у него задница соображает, но только вот нужен он мне теперь... Очень нужен. Крышка кувшина, тяжелая обожженная глиняная крышка, разлетается на куски точно у него между лопаток. К порогу уродец подъезжает уже носом, остальное тело безвольно расслаблено и только подергивается. Ну что, поговорим? Сажусь на него, беру руку на болевой и неторопливо вывихиваю указательный палец. Что? Ты еще и обмочился? Слушай, а это идея. Вытираю своей замечательной новой тряпкой лужицу, сам сливаю краник в пресловутый кувшин и сую под нос болезному. Не хочешь? А придется... Полтора пальца спустя оно сдается. Так, так, еще немного, до конца... Ну вот мы и квиты. Теперь свободен. Свободен, я сказал! А если пнуть посильнее? Так-то лучше.

Немного прибираюсь в комнате, осколки крышки складываю в кувшин и ставлю в угол. Под другую стену ставлю маленькую лавку и сажусь на нее. Заворачиваюсь поплотнее в покрывало. Успел. В коридоре слышен громкий топот. Что-то быстро вы. Похоже, в здешних горах совсем даже не спокойно, раз такой уровень alertности. Ну вот, что и требовалось доказать. Четыре здоровых мужика, правда, гораздо попроще, чем вчерашние воины. Типа внутренняя стража. Хех, даже вбежать в дверь правильно не могут, продавливаются, как... Удар кулачищем в ухо сносит меня с лавки, и дальше остается только лежать в позе заключенного и стараться уберечь жизненно важные органы. Темнота...

- Идиоты. Отрыжка Каная, плесень Йегуса, лакрима миксум люте!

- ...

- Установлено, как все произошло?

- Нечего там устанавливать, шун. Мэтр Лирий заделал обновление зубов нашему гостю, сами знаете, каково это. Парень из прислуги, Лакий Мероэ, на просьбу принести воды подсунул ему *какхис*, а тот догадался и в отместку заставил ублюдка выхлебать полкакхиса своей мочи. Ну и пару пальцев вывихнул.

- Не сломал?

- Вот именно - не сломал, а вывихнул. Не самое простое дело. Потом он выпнул его наружу... И тут начинается самое интересное. Он стал готовиться к тому, что скоро его будут бить. Сел, как сел бы я сам, упал так, что пинать его могли только трое из четверых, и ухитрился не дать этим олухам ничего себе сломать. Так, лицо расквашено да синяки на конечностях, плюс сотрясение.

- Интересно... Бывал, значит, под конем-то... Так! Весь квад стражников отдать братьям, чтоб пыль из гамбизонов им выбили, Мероэ - двадцать плетей, этому подлатать слегка лицо, остальное само заживет. Глядишь, поспокойней будет.

- Э-э, шун! Братьям не получится, Мишан в дальний патруль ушел, а Кочумат должен Махия сопровождать. Может, Гобу их, тот как раз *нажис* вывозить должен?

- Занятная шутка. Отдашь их Ланке, чтоб ума вколотила, потом, когда та закончит, пусть сразу приступает к делу.

- Да, шун.

Глава 2

В общем, «и лежал он на печи тридцать лет и три года». В смысле я отлеживался на лавке во все той же надоевшей до смерти комнате. Ничего ценного хмыри-неумехи отбить мне не смогли, били как мобили, как вчерашние лавочники, так что ходил я свободно и почти не морщась. Позавчера приходил Лирий - это тот старикан, подрабатывающий здешним магом. Представился, был сразу мысленно переименован в Делирия, в два касания залечил мне лицо и ушел. Натурально - сделал два касания, а дальше оно само зажило за пару часов. Явно мог так же свести и все остальное, но не стал, гад этакий. Похоже, местное начальство крепко держит руку на пульсе. Ну а я в ответ притворился жутко болящей развалиной и уже второй день пролеживаю бока на лавке. Меня никто не трогает, не теребит, так что вариантов всего два - или за мной и в самом деле никто не наблюдает, или они держат марку и нагоняют туман, имея запас времени. В первое не верю, при наличии мага-то, а второе печально, ибо означает наличие у руля хороших мозгов.

А-а, я не сказал: здесь пахнет войной. Уж эту тревожную тень различить можно всегда, пускай у меня и нет посетителей. Рамка в окне прекрасно пропускает звуки, поэтому жизнь сего населенного пункта известна мне в изрядных подробностях, кроме разве что лиц обитателей. Так вот, в голосах людей отчетливо слышится нотка подступающей грозы. По тому, как на нее реагируют, вполне можно судить и о вещах более абстрактных. Например, здешние женщины встревожены, но уверены в силе своих воинов. Угроза, чем бы она ни была, представляется им весьма серьезной, но вполне одолимой. Власть крепка и ведает о насущных проблемах - это я видел собственными глазами. Там, внизу, на склоне горы, идет глубокая траншея, хорошо замаскированная, так, что сразу и не разглядишь, и хорошо оборудованная, по понятным причинам без изломов и траверсов, однако с ячейками, частичным blindированием, банкетом, какими-то отнорками и дощатым настилом. По тропинкам рядом с траншеей мальчишки

гоняют скот, животных, похожих на очень крупных безрогих коз, чуть поменьше коров. Вчера мальчишка заметил, что в одном месте обвалилось метров пять задней стенки траншеи и сломалась хворостяная прегородка. Через пару часов пришли мужики и быстро все отремонтировали, причем работали совсем не из-под палки.

Оп! Что за... Открывается дверь. Интересно, а шагов по коридору слышно не было. В дверь просачивается гость... гостья. Девушка лет двадцати пяти, рост метр семьдесят, на поясе небольшие ножны, другого оружия не видно, одета во что-то рабочее - штаны и куртка, волосы - длинное каре, блондинка. Фигура интересная, стройная, но грудь маленькая, талия почти как у меня, да и двигается она слишком плавно. Не хотел бы я с такой драться...

А придется! Она спокойно и быстро подошла ко мне и с ходу ткнула в солнечное. Лицо ее при этом не выражало никакой агрессии и вообще ничего не выражало. Ладно, задумка твоя ясна. Птица повыше, чем служки и стража, желает сразу указать сверчку на его место. Умом понимаю, но вот не люблю я этого. Ударила она, кстати, красиво, очень резко и правильно, однако я уже скручивал корпус, превращая вышибающий дыхание удар в безвредное скольжение. А кулачки у нее острые. По ходу движения двоечку навстречу, тоже в корпус. Не прошли, блок и отход. Ну и ладно.

Что теперь? А, хоть какое-то выражение на чистом, симметричном лице. В иное время я бы, пожалуй, засмотрелся. Злится. Не привыкла, чтоб ей перечили. Дочь местного начальника? Сейчас прыгнет. Что, поднимем ставки? Поднимем.

Ох, и быстра же ты, девица! И ловка, и умела... Отбиваться я, в общем, успеваю, но без встречи - не самое легкое дело, особенно если учитывать состояние моего организма. Может, хватит? Нет. А вот это уже серьезней... Разозлилась, что все усилия пока напрасны, и поперла по-настоящему. Раз калечащий удар, два, три... Оп! Уже потенциально смертельный - в горло... Хорош. Играешь в мужские игры - отвечай тоже серьезно. В искусстве состязаться с ней не стану, незачем. Достанет простой силы. Проворот, перехват за запястье... и это конец. Сжимаю ладонь, трещат ломающиеся кости, захват за пояс, и я просто прыгаю вперед, на нее, и всей массой обрушиваюсь сверху. Теперь пару раз лбом в нос, чтобы ослепла, не дать ударить в пах, но это уже трепыхания, драться в партере она явно не умеет, кулаком слева в висок, еще раз, еще, приподняться на коленях и два мощных удара в грудь. Все.

Опять приходится рвать одеяло. Связать, снять пояс, снять обувь - нечто вроде мокасин без всяких украшений, вывернуть карманы. Да, у нее на одежде есть карманы, много. А вот барахла в них мало. Короткий прямой кинжал с пояса, пара монет светлого металла с чьим-то носатым профилем, двадцать медяшек, кожаный шнурок, сломанная деревянная расческа. Расческа с секретом, внутри длинная игла, видимо закаленная стальная, поскольку тоже сломана во время нашей борьбы.

Проверяю состояние пленной - живет, дышит, только как-то нехорошо. Разбитые нос и губы кровят, на руке лучезапястный перелом со смещением, но это все ерунда, хрипы в груди и частое поверхностное дыхание гораздо хуже, как бы не внутрь. Придется поработать Доктором Азбукой [1]. Привожу девушку в полусидячее положение, оперев спиной на малую лавку, которую, в свою очередь, одним концом кладу на кровать, привязываю руки к туловищу, обматываю ее одеялом вместе с лавкой. Все, больше я сделать ничего не могу. Пора идти сдаваться. Опясываю ремнем с кинжалом, вздыхаю и иду в коридор. Вернее, хочу пойти, так как, развернувшись, вижу нацеленный на меня арбалет, а над ним - уже знакомый глаз, тот же, что давеча подглядывал в дверь. Приехали.

- Маний, я тебя не узнаю в последнее время. Сдаешь, что ли?
  - У него были слишком дерзкие глаза, шун Торр.
  - Девка – дура, это ей не козочек беспомощных в партии бить! Что мэтр говорит?
  - Ничего особенного, шун: рука, три ребра и селезенка. Через неделю будет снова скакать.
  - Две. Две недели как минимум, скажешь Лирию. Это надо же додуматься! Никто не знает, что в голове у чужака. Как еще не убил дуру! Когда-нибудь она нарвется окончательно. Кто теперь будет учить его языку людей?
  - Мисина, шун.
  - Мм, хорошо, пусть попробует. А вообще, как тебе гость?
  - Головы не потерял, сбежать не пробовал, убить Ланку тоже не старался – наоборот, оказал ей помощь. Мэтр говорит, довольно правильно.
- Сухой смешок.
- Три ребра – не старался?
  - Ничуть, просто так рисунок боя сложился. Вон Мишан с Кочуматом тоже – люди говорят, лучше пусть саблей рубанут, чем кулаком вдарят, так хоть какой-то шанс будет. Да и вы сами...
  - М-да... Что там с Ланкиным кинжалом?
  - Да вот...

Меня опять не убили. Выносившие девицу воины так зыркали в мою сторону, что становилось ясно, что они прямо-таки мечтают о любом сопротивлении. И дождались. Кинжал я не отдал. Что с бою взято, то свято. Со стороны это смотрелось смешно – босой человек в портках с одним коротким ножиком против четырех крепких мужиков в сплошном железе, вооруженных дубинками, короткими мечами и арбалетом. Но тут выбирать не приходилось. Согнешься сейчас – так оно дальше и будет. В итоге можно и до сверленных ложек докатиться.

Старший из воинов прогудел что-то в усы, типа «Мужик, не дури, давай сюда, а то порежешься», и протянул широкую ладонь. Я криво улыбнулся, перехватил железку обратным хватом другой рукой и стукнул себя в грудь кулаком. Мое. Тот прогудел еще раз, уже жестче – «Давай сюда, а то сам возьму». Пришлось скривить улыбку еще больше. Удар в воздух и снова в грудь – «Я взял, мое». При этом я старательно кособочился, якобы от боли в ребрах. Воин покачал головой, коротко бросил что-то остальным, и к нему присоединился еще один. Они шагнули вперед...

Когда я смог наконец подняться с пола, кинжал лежал не там, куда я бросил его в начале сшибки – не в углу под лавкой, а торчал в центре стола. Хорошо так торчал, душевно – могучим ударом он был вбит в столешницу по рукоять, прошив толстенную доску насквозь. А с понятием тут ребята, и нравы не слишком от наших отличаются. Надо понимать, и порядок навели, и кто тут хозяин продемонстрировали, и гостя уважили. Били со знанием дела, но беззлобно, для порядка. Кстати, натурные испытания показали, что голыми руками драться с людьми в кольчугах с гамбизонами, поножах из толстой кожи и кожаных же сапогах с

подошвой в два пальца, по разрушительному воздействию ничуть не уступающих хорошим берцам, практически бесполезно. Только пальцы обдирать. Единственным более-менее уязвимым местом оставалась голова, но кто ж даст по ней ударить? Уж явно не эти молодцы в сварных кольчугах индивидуальной подгонки.

С трудом вытащив кинжал из стола, я занялся его осмотром. Непростой ножичек-то. Прямой полуторалезвийный однодольный цельнометаллический, обмотанная шнуром рукоять, выгнутая вперед крестовина. Заточен правильно и на совесть, с упором на протыкание, в наше время такое редко встретишь. Ну да, раз они тут на холодняке сражаются, значит, дело жизни и смерти, а с этим не шутят. Металл обычного серого цвета, без единого пятнышка ржавчины, возле крестовины клеймо – кружок с ноготь, в нем два стилизованных молота параллельно друг другу, концами в разные стороны. Ба, да кружок-то травленный! И только в нем проглядывает настоящая душа этого клинка – мелкие волнистые извивы и крапинки золотисто-коричневого цвета. Я аж крикнул.

От разглядывания дива дивного меня отвлекла вновь открывшаяся дверь. Пришел парень-служка, другой, но примерно того же возраста, что и давешний пакостник. Принес поесть, шустро сгрузил большую миску, кружку и кувшин на стол и ушел, только раз стрельнув в меня любопытным глазом. В миске оказалось что-то вроде жидкого пюре, щедро сдобренного белым порошком, по вкусу и запаху – толченой яичной скорлупой, в кувшине – чистая прохладная вода. Самое то для моих горящих огнем челюстей.

В комнате я просидел еще неделю. Выходить никуда не хотелось, да и сил не было. Стремительно вырастающие зубы отнимали у организма все ресурсы, нестерпимый зуд и жжение сопровождалось субфебрильной температурой, вдобавок доставшиеся мне за последнее время тычки и сотрясения вкупе с многочисленными потерями сознания никак не способствовали хорошему самочувствию. Так что мои маршруты были простыми: лавка – стол – туалет – лавка. Пюре-кашица оказалось очень сытным, помимо растительности в нем чувствовалась хорошая доля мяса, да и волоконца нет-нет да попадались. Все было перетерто настолько тщательно, что я даже почувствовал местным поварам. Впрочем, наверняка это они мне сочувствовали. Если Делирий так обходится с каждым... К примеру, у приносившего еду мальчишки не было трех зубов, из чего я сделал вывод, что мэтр либо не хочет, либо не может выращивать зубы по отдельности, а только лишь всем скопом. Тогда неудивительно: я бы тоже предпочел терпеть до последнего, попросту вышибая пораженные кариозными монстрами зубы. К тому же я сомневался, что у местных тут сладкая жизнь. В смысле это мы, испорченные дети цивилизации, регулярно раскисляем свою эмаль всякими шоколадками да карамельками, прямо как в песне поется: «Над шестой частью суши гордо реет «Марс» противный», а вот еще в позапрошлом веке кариес был признаком весьма обеспеченных семей. Доходило до того, что некоторые дамочки специально чернили зубки – примерно так же, как век спустя люди потели в жару в черных машинах с наглухо закрытыми окнами.

К исходу четырнадцатого дня огонь в челюстях пошел на убыль. Опухшее лицо, напоминавшее свекольного цвета подушку, опало и приняло более естественную форму, близкую к изначальной. Я наконец-то смог прикоснуться ко рту и ощупать свои новые зубы. Да, все как на подбор, даже зубы мудрости, которым раньше не хватало места на челюсти, отчего они причиняли массу неудобств каждую весну. Прикус идеальный, все настолько ровно и красиво, причем без всяких скобок, что хоть на выставку достижений стоматологии. А потом кое-что произошло.

Я в тысячный раз ощупывал языком зубы, как вдруг ощутил, что надоевший до смерти зуд

прекратился. Наногномы прекратили ковырять остеоны, побросали свои кирки и пошли на перекур. И ощутилось это настолько четко и ясно, как будто где-то далеко лопнула тонюсенькая ниточка. Даже не знаю, какую аналогию подобрать – ну, словно сперва ревел ураган, потом он превратился в шторм, в тяжелую зыбь... а затем все выключили. Вот просто так, был ветер – раз, и нет его, полный штиль. Это что же, я... почувствовал? В смысле, раз Пендальф замагичил мне зубы, значит, я сейчас каким-то местом зафиксировал прекращение действия его... ну, заклятия, что ли. Выходит...

Почти неосознанным жестом я вытянул руку по направлению к окну и... другой отвесил себе хороший подзатыльник. Вот идиот ведь, а? Что, когда учили водить технику, тоже газ сразу в пол до упора вжимал? Нет? А какого демона тогда сейчас выделяюсь? Может, это просто возможность ощущать, а не Дар. Или вообще глюк от радости, или ощущение не собственно магии, а реакций более не подгоняемого тела, да мало ли что еще. Так, срочно лечь на лавку, руки вдоль туловища, дышим, дышим... «Ом, ом, вэнитэ эн-соф», три раза с полной концентрацией, теперь «Аум – кассийна – хара – шанатар-р»... «До – ин – сан – тан – ал – ва – ро – ам – си – та – роа»...

И только теперь, успокоившись, смотрю на перышко на полу в трех шагах от лавки, тихонько дую на него и одновременно делаю некое странное усилие внутри себя, словно пытаюсь пошевелить хвостом, который у меня был всегда, но только все время находился под действием анестезии. И перышко шевельнулось...

Я быстро закрыл глаза, словно захлопнул заслонки амбразур в доте, максимально расслабил мышцы – оказывается, все они были страшно напряжены и зажаты, будто я в одиночку разгружал вагон с чугунием, и принялся думать. Вернее, честно старался хотя бы не слишком обалдевать. Потребовалось больше часа и множество мантр, чтобы более-менее прийти в себя, после чего я стал рассматривать ситуацию под разными углами. «Кто виноват?» – вопрос не стоял, так что оставалось только извечное «Что делать?».

Кстати, а как магичил Делирий? Он ведь тоже не произносил никаких слов, не делал жестов и не чертил рисунков. Просто смотрел. Это хорошо, поскольку я всегда с подозрением относился ко всяким вербально-ритуальным и жестовым магическим системам в различных художественных произведениях. Ну не лежала душа к ним, смешными казались выкрики «Эспекто патронум!» или дирижирование палочкой оливкового дерева. Почему тогда чучело на поле или жестяной рупор не колдуют? Конечно, есть концепции спускового крючка или мэтровские «звуки имени Бога»... но, по моему мнению, это все паллиативы. А вот магия, приводимая в действие усилием воли, мыслью, гораздо более интересный вариант. Физическая реализация... ну, оставим ее пока. В моем-то мире магии нет точно, иначе эксперименты на ускорителях давно бы ее уже засекали – там просто страшные цифры после запятой.

С другой стороны, скажем, чтобы научиться сносно «двигать хвостом», ученик сперва морщит лоб и делает пассы руками да еще помогает себе произнесением затверженных звуковых последовательностей. Потом, с ростом умения отбрасываются внешние проявления, пока не останется чистое мыследействие. Как гипотеза пойдет – одна из многих.

По некоторым косвенным признакам ясно, что Делирий здесь единственный маг и подчиняется напрямую местному руководству. Отсюда следует, что магов в этом мире вообще не так уж много, и занятие это должно изрядно повышать социальный статус... Хм... вообще-то шатко – я навскидку могу привести массу контраргументов...

И таким вот манером я обсасывал имеющиеся сведения почти до ночи. Особо выдающихся умозаключений не сделал, но хотя бы привел их в систему. Стало ясно, где и какие имеются

белые пятна, хотя, если честно, пока было с точностью до наоборот – ровный фон «тумана войны» кое-где освещали редкие точки света. По ним не получалось не то что определить намерения противника, но даже толком представить себе рельеф местности.

А ночью пришла Мисина. Это я выяснил утром, в темноте же она была просто теплой и ласковой незнакомкой. Никаких анатомических отличий от земных женщин у нее не имелось, а пахла она просто умопомрачительно – чистой кожей, чистой, продутой морозными горными ветрами одеждой, корицей и медом и чем-то незнакомым, терпким и волнующе-загадочным. Кстати, она была первой, кто удосужился поинтересоваться моим именем. Этот странный выверт поведения местных как-то прошел мимо моего сознания, а теперь заставил не на шутку напрячься. Вдруг меня прочат на роль будущей жертвы, главного блюда на званом обеде или чего-то подобного? Мы же не спрашиваем у утки, как ее зовут, – берем и фаршируем... Проверки ради я назвал Мисине свой ролевой псевдоним – Рэндом.

Теперь, когда старый враг уже век как вплавлен в камень своей Каледонии, люди стали более терпимо относиться к когда-то ненавистным звукам чужой речи. Слышал, кое-где даже появились общества реконструкторов, изучающих полузабытый язык высокомерных наглов и декламирующих творчество потрясателя копьём в оригинале. Власть, в том числе и Сам, смотрели на это дело с отеческой усмешкой. Отчего бы и не поплясать на костях, когда враг повержен во прах, и оный прах уже перестал светиться по ночам. Однако от деда-ветерана, понтонера 5-й ПОМБр [2], лично мочившегося в Канал, я знал о масштабах и накале тех боев и презрительных шуточек насчет наглов себе не позволял никогда. Ходил в наше местечковое общество в основном потому, что там седоусый дядька обучал всех желающих бою на холодном оружии. Майор в отставке Грязнов считал, что в жизни есть четыре стоящих штуки – конь, пашка, автомат и женщина. Ничему особенно крутому я так и не научился, это удел спецов, меняющих свое время на навык, однако хотя бы не опасался порезаться каким-нибудь кинжалом. Кстати, такие капитаны и майоры, к восторгу ребятни, были при каждом ДДТ [3], ролевом обществе, в каждой школе внештатниками НВП [4], ну и так далее. Император серьезно относился к вопросу преемственности поколений.

Так вот, отвлекся что-то, Мисина восприняла представление как должное и теперь спокойно называла меня по «имени». Уф, немного отлегло! Как я понял, она была приставлена в качестве учителя языка... и языком владела отменно. Такой способ обучения отлично мотивирует, могу сказать теперь на собственном опыте. Слова и выражения ложились в память, словно благословленные Мнемозиной. Надо сказать, появление в моей жизни Мисины помимо массы прелестных моментов принесло еще и кучу проблем. Кто-то очень постарался, чтобы она ассоциировалась у меня со всем хорошим и положительным, например мне разрешили выходить и передвигаться в ее сопровождении по замку – да, это оказался самый настоящий замок, – выдали хорошую одежду, теплую, удобную и прочную, стали лучше кормить, да и вообще, у женщины не может не быть каких-то своих проблем, от банального ПМС до неудовлетворенных карьерных ожиданий – у любой, кроме Мисины. И даже нельзя было сказать, что она так хорошо отыгрывает, просто она так жила. Само собой выходило, что любое дело спорилось и кипело в ее руках, солнечного цвета шевелюра упрямо выбивалась из-под платка, а ребятня и всякая дворовая живность так и ластились к ней, соревнуясь за добрую улыбку и небрежно-ласковое прикосновение к ушам. Ради интереса, однажды ночью я попытался смоделировать в уме ситуацию, когда мне нужно будет ее убить, – и похолодел. Я бы не смог! Неделя, ей потребовалась всего неделя, чтобы надежно застраховать себя от всякой нехорошей активности с моей стороны.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться о том, что каждое утро Мисина заносит отчет кому надо, да она это и не слишком скрывала, пару раз оставляя меня

подождать у входа в восточную башню. При всем том постижение основ местного языка шло у нас с ней ударными темпами. В день я учил около ста пятидесяти слов, ухитряясь при этом не забывать пройденное вчера. Вот где пригодилась практика изучения медицинской латыни, когда мозги скрипели схожим образом. Главным препятствием было произношение. Я пока физически не мог издать ряд звуков, которыми свободно переговаривались местные. Здешнее «у», похожее на шведское (ну да, «Виллагатан шюттон»), – это еще цветочки, горловые согласные были гораздо хуже, ну а дифтонги просто приводили меня в ужас.

Постоянное присутствие Мисины рядом затрудняло еще и изучение магии. По некотором размышлении я решил не сообщать никому о наличии у меня способностей по верчению перышка, пока не узнаю побольше об окружающем мире. Потому осторожные эксперименты приходилось проводить даже не под одеялом – там была Мисина, а в отхожем месте. Кстати, мэтр Лирий несколько дней назад учинил над моей тушкой некий эксперимент, сильно смахивающий на определение Дара.

...Очередная прогулка с Мисиной привела к двери его лаборатории. Я был затянут туда хмурым, невыспавшимся мэтром, усажен на первый попавшийся табурет и нахлобучен пыльной широкополой шляпой выдающихся размеров. Против ожиданий, шляпа не пыталась выкрикнуть название моего факультета, а просто послужила своеобразной повязкой на глаза – ее поля закрывали вид почти полностью. Потом Лирий содрал ее и водрузил вместо шляпы нечто вроде цилиндра без верха. В него незамедлительно была засыпана пара литров гладких черных камешков, и такими же камешками мэтр обклеил мне руки. В довершение всего он сунул мне большую восковую свечу. Зажженную. Чувствовал я себя донельзя глупо – с ведром гальки на голове, руки измазаны какой-то гадостью, да еще и свечку держу. Может, он просто так развлекается? Но язычница моя сидит очень серьезная и даже дышит через раз. Так, маг сел напротив и немигающим взором прикипел к моей переносице. Не самое приятное ощущение – взгляд не поймать никак, а бурение чувствуется очень хорошо, аж зазудела кожа. Так, стоп! Или кожа зудит совсем не виртуально?

Твою..! Как я удержался от того, чтобы не подскочить и не шваркнуть старикана по голове, сам не знаю. Зуд резко прекратился, но вместо него нахлынуло куда более мерзкое ощущение. Как в старом пошлом анекдоте – «Загибай!», только тут тебя еще и пожарным шлангом накачивают, пока не лопнешь. И я лопнул. Время остановилось. Со мной такое бывало раньше, и в кошмарах, и наяву, когда все происходит медленно-медленно, а сделать ничего не можешь. Сила – да, я понял, это была сила старого мага, тошнотворно-отвратная на «вкус», как протухшая рыба слизь, – потоком растекалась по венам и устремилась к свече. Я почувствовал, что сейчас огонек на конце фитиля превратится в ревуший факел, выдавая меня с потрохами... и снова шевельнул «хвостом».

Пробовали когда-нибудь перекрыть руками поток на магистральном трубопроводе? Вот-вот, без могучей запорной арматуры это совершенно невозможно. Остановить поток силы мага я мог ровно с тем же успехом, слишком уж несоизмеримы были наши возможности, однако я мог кое-что другое. Не можешь запретить – возглавь! И, судорожно трепыхая куцым «хвостом», я стал мало-помалу поворачивать этот мерзкий слизистый сель. Но куда? Да хотя бы сюда! Неважно, что это. Сейчас главное – не дать потоку добраться до свечи. Ох, мерзко-то как! Каким-то чудом, странным наитием, мне удалось распределить силу порциями по всему телу, буквально по каждой клеточке, и еле-еле впитать ее в себя. Рассказывать долго, а на деле все это не заняло и десятка секунд. Факел так и не вспыхнул, и разочарованно поджавший губы маг выпихнул нас с Мисиной наружу. Чинно зайдя за поворот, я бегом бросился в нужник. Чувствовал я себя как бурдюк, переполненный тухлой жижей, – и от нее надо было любым способом избавиться. Пугал ихтиандра я долго и тщательно, однако долгожданное облегчение

все не приходило. Немудрено – причина тошноты была совсем иная, нежели банальное пищевое отравление, простым освобождением желудка не отделаться. Требовалось что-то другое, причем немедленно. Становилось все хуже и хуже, стены вращались и плясали перед глазами, дыра в полу аж троилась, и я на полном серьезе опасался в нее ухнуть. Последние остатки осторожности не давали попытаться зажечь огонь или совершить еще какую-нибудь глупость, но ждать далее становилось невозможно. Как это часто бывает, в подобных случаях выход находится там, куда в здравом уме ни за что бы не сунулся. Рассудив, что раз уж сила уже распределена по телу, то пусть клетки ею и занимаются, я сделал еще одно страшное усилие и ничком повалился прямо на камень пола. Последняя мысль была: «Не свалиться бы в яму».

От последствий эксперимента этого трехнутого мэтра пришлось отлеживаться еще два дня. Головокружение, высокая температура, постоянная жажда и столь же постоянная тошнота сделали жизнь штукой почти невыносимой. Всем беременным и рожавшим женщинам мужья должны ставить памятник при жизни. Мисина помогала, как могла, – обтирала, клала холодную тряпочку на лоб, водила в конец коридора и молчала. За последнее я готов был носить ее на руках, когда поправлюсь, поскольку за щебет хотелось прибить даже птичку на ветке за окном. А третье утро началось с волшебного ощущения присутствия Мисины под одеялом, дразняще-нежного и сладостно-неторопливого. Я был свеж, бодр и полон сил, что немедленно и доказал. После завтрака же мир вновь повернулся ко мне своей прозаической стороной и объяснил, в лице пожилого тощего (sic!) ключника и моей симпатичной переводчицы, что раз я не одарен, читай – ни на что не годен, то должен работать руками.

Мир спасут дрова! Дрова, а никакая не красота, по крайней мере ключник, приведший меня в исполинских размеров дровяник, в этом был совершенно уверен. Уже неделю мы с напарником, мышцеватым и туповатым пареньком по имени Друк, пилим, рубим и складываем бессчетные количества поленьев. Бревна привозят из леса неразговорчивые хмурые мужики, а наготовленное нами за день почти полностью исчезает в прожорливых топках замка. В принципе я доволен. Никто не трогает, тело здоровеет, вечером и ночью можно спокойно практиковаться малыми шажками в делах магических. Да, Мисину от меня убрали. Естественно, задача-минимум выполнена, дальше гостюшка сам справится. Ну а раз не маг, то и положены ему девушки дворовые, отзывчивые, зато страшные. В общем, вердикт был очевиден – поглядывать, но особого внимания не уделять.

Единственное, смущала ум неопределенность с испытанием. Кому надо, тот наверняка знает о моей реакции на эксперимент, и если он делится информацией с магом, то последний может о чем-то догадаться. Если же не делится, а приберегает козыри до поры в неизбежных играх внутреннего круга, то тут тоже двойка. Со слов Мисины, тошно от Лирия становилось всем. Каждый год он проводил испытание на Дар среди подросших детей замка, и столь же регулярно кандидаты в маги расставались с пищей – такая вот у него была особенность силы. Но никто еще не лежал лежа пару дней после этого, обычно один-два приступа, и все. А у меня поглощенная сила отозвалась странным образом. Видимо, за эти дни произошла некая перестройка организма, и я значительно прибавил в силе, одновременно скинув пару-тройку килограммов накопившихся излишков. Во всяком случае, топором махал в охотку, уставал мало, совсем не так, как должно быть после дня хорошего физического труда, да и поленья... Я их мял. Буквально – сдавив рукой посильнее, оставлял в дереве глубокие следы пальцев. В первый раз заметив за собой подобное, я тщательно изрубил поленья и в первую очередь скормил их печам, в дальнейшем здоровался с Друком, полностью расслабив ладонь и кривясь от его «мертвой хватки». И процесс продолжался.

В своей комнате – ее почему-то за мной сохранили – вечерами пытался нащупать тропку в море неизвестности. Уже получалось слегка сдвигать с места стул и катать яблоки по столу.

Доступная мощь исправно росла, хотя и была пока смехотворно мала, с контролем дела обстояли хуже. Два яблока катать не получалось, но можно было толкнуть их в каком-то одном направлении. В иных аспектах успехи были меньше. Видеть магические потоки я так и не научился – да и не особенно старался. Это казалось мне глупым – сначала учиться видеть, потом испытывать проблемы с восприятием картинки от глаз, пытаться накладывать изображения друг на друга, чередовать... Ужас, в общем. Гораздо лучше сразу выделить м-восприятие отдельным каналом, обособленным дополнительным чувством. Нос ведь не мешает работать глазам или ушам, почему бы мне не поступить по образцу мудрой природы? Ведь, в сущности, это вопрос управления собственным сознанием. Кое-чего я добился, шевеление «хвостом» я смог приказать своему разуму воспринимать отдельно от прочих органов чувств... на полминуты примерно, дальше снова все смешивалось в кучу.

Все эти упражнения, больше похожие на тыкание щенка носом во все, что по дороге попадется, сильно утомляли, гораздо больше, чем колка дров, так что спать я валился без задних ног. В общем, жизнь была полна и интересна. Сочтя неизбежным оборудование комнаты магическим аналогом «жучков», все исследования я по-прежнему проводил в туалете, прослав из-за этого среди обитателей замка хроническим запорщиком. Переживу.

Замок же был весьма примечателен. Шедевр фортификации, никаких украшательских финтифлюшек, отшлифованная поколениями голая целесообразность и эффективность. Кто-то здесь не дает людям впасть в маразм. Построен он был из местного камня, с намеком на оригинальность – оттенок слегка менялся от башни к башне, отчего они назывались соответственно Серой, Бурой, Ореховой, Розовой и Красной. Почему две последние носили такие имена, мне осталось решительно непонятным, красного и розового в них было как в дорожных булыжниках. Еще имелись две воротные башни – правая и левая, соединенные массивным сооружением, похожим на затвор водосброса плотины. Это наружная стена. Была еще внутренняя, более высокая, очень странного вида. По сути дела, она состояла из сливающихся полукруглых башен, увенчанных платформой с машикулями и утыканной прочими оборонительными приспособами. Также из внутренней стены выростала высоченная свечка Дозорной башни. Между стенами находился внутренний двор, в котором располагались различные хозяйственные постройки, и здоровенный жилой дом запутанной планировки, сам по себе представлявший хорошо укрепленное сооружение. Ну и венчал все это дело мощный донжон, слегка расширяющийся кверху. Дозорная башня была значительно выше даже донжона и торчала из-за него слева, на самой высокой точке горы. В целом замок сильно походил на земной Шато-Гайяр, хорошо подросший вверх с учетом особенностей местной архитектуры и наличия магии.

Мрак и ужас. Я не представлял, как можно в здравом уме пытаться атаковать подобное сооружение без артиллерии и бомбардировщиков. Донжон был более пятидесяти метров в высоту, наружная стена – около двадцати пяти, внутренняя стена – за тридцать. Насколько высоко торчала свечка, и подумать страшно. Внутренние дворы замка из-за этого были похожи на дно колодца – полное складывалось ощущение. А ведь пытались осадить, причем продуктивно! Стены носили следы осады, пестрели старыми выщербинами и хорошо смытыми пятнами копоти. Ради интереса я хотел влезть на пару метров по стене, но не смог – то, что издали казалось стыком между каменными блоками, на самом деле не несло и следа глины или цемента: камни, не мудрствуя лукаво, были просто-напросто сплавлены друг с другом и сдавлены, отчего размягченный камень выступил наружу аккуратным валиком, точь-в-точь как раствор. Стало страшно. Магия, блин.

Резкий окрик сверху заставил отказаться от дальнейших экспериментов. На стены никто, разумеется, меня не пустил, да и вход туда был только через казармы, представлявшие собой

тоже весьма укрепленную постройку. Выйти наружу, чтобы побродить вокруг замка, также не удалось. За внутреннюю стену не пускали даже слуг, там были какие-то свои, то ли особо доверенные, то ли невыездные. Служба здесь была поставлена как надо. Солдаты не спали, а блюли и бдели, точили оружие и тренировались. Не считая разного рубяще-режущего инструмента, все поголовно были вооружены арбалетами, причем с металлическими дугами, и всегда имели их при себе. Богато живет здешний хозяин, и рука у него твердая.

За неделю была одна тревога, после обеда. С Дозорной башни раздался двукратный сигнал рога или дудки, потом еще раз, после чего последовало довольно сложное чередование звуков – видимо, кодовое обозначение текущего задания. Никто из челяди даже не почесался, тревога касалась только солдат – и те не замедлили смазать пятки. Не прошло и двух минут, как все до единого оборонительные посты были заняты. Строгие сержанты привычно нашли недостатки в работе личного состава, довели свое мнение о нем при помощи собственных луженых глоток и назначили каждому провинившемуся наказание. В одном из углов внутреннего двора имелось десять Священных Бревен, как я их назвал, десять отполированных руками до блеска тяжелых кусков дерева, в которые были вбиты толстые железные скобы. Их нужно было схватить и нести, желательнее бегом, туда, куда укажет фантазия сержанта. Фантазия была бедна, поэтому основным маршрутом становился следующий: казарма – лестницы на стены – площадки метательных орудий – стены, ну и в обратном направлении. Четыре таких забега означали язык на плечо и литр пота, десяток – еле ползущего червяка в железе, до пятнадцати не доходил еще никто.

Всего солдат было что-то около полутора сотен, сосчитать точнее было трудно, поскольку все вместе они собирались только во дворе донжона, куда мне ходу не было, и на службе носили одинаковое обмундирование и железо. Попробуй отличи, стоит на стене Друк, Драк или Дрок, если видишь только широкую спину и набивную шапку. Солдаты не сидели все время в замке, а периодически пачками отправлялись куда-то наружу, обычно водительствоемые молчаливым пожилым сержантом. Взамен являлась другая пачка, и по внешнему виду солдат нельзя было сказать, что они прохладжались в кабаках. Ходили пешком, в замке вообще все ходили пешком, грузы и подводы таскали самцы лайде – те самые козы-почти-коровы, а лошади имелись только у обитателей донжона. По утрам и после обеда из-за внутренних стен доносились слитные ритмичные крики в стиле Шаолиня, а порой – лязг железа и громкий рев.

Плюс в замке жили около шести десятков слуг, капитан солдат, которого я видел всего раз, девятнадцать человек личной дружины шуна Торра – так звался местный правитель, его я не видел ни разу, и еще человек пять – семь с неустановленной, но явно командной функцией. Во всяком случае, по их слову адресаты начинали бегать как наскипидаренные. К ним, кстати, относились обе недворовые девицы, обретавшиеся при замке – Ланка и Мисина. Ну и маг. Время от времени он что-то чудил в своей лаборатории, располагавшейся в основании Бурой башни, и из узких бойницеподобных окон вылетали всякие искры, разноцветные лучи и тому подобное. Народ не боялся, никто от этого ни разу еще не умер, однако и близко к башне старался не ходить.

Ланка уже выходила во двор, рука ее висела на косынке, деревянные шины, похожие на красиво изогнутые наручи, фиксировали место перелома. Ходила медленно, порой кривясь от боли в ребрах, зато лицо сияло первозданной чистотой. Ни следа сломанного носа, никаких пятаков под глазами... А в этих самых глазах при виде меня зажигался нехороший огонек. Кинжал я ей не отдал, много чести, он так и валялся в вещах – да, ключник выдал мне всякие рабочие и зимние тряпки, – подходить к ней я не пытался, разговаривать тоже. Смысла в этом не было никакого.

Передвигаться приходилось с оглядкой, да и вообще я старался поменьше выходить из

дровяника. В последний раз кто-то уронил со стены камушек... Хороший такой, с кулак взрослого мужчины. Не попал – не зря в свое время капитан загонял нас в спортзал, выключал свет, ставил музыку погромче и начинал палить из привода. Но задуматься стоило.

Была и еще одна странность, все не дававшая мне покоя. Зачем при таком количестве воинов кормить еще и стражу? На первый взгляд столь же здоровые парни в своей особой униформе, они то и дело являлись из-за внешней стены по всяким своим надобностям, и было их никак не меньше взвода. Только вот отличались они от солдат, как шакалы от волков. Глаза мутные, бандитские, на поясе – обтянутые толстой кожей дубинки, у одного я видел самый настоящий кнут. Именно кнут, не плеть. Вкупе с изредка доносящимися издали голосами и криками это наводило на определенные размышления. Плюс к тому факты косвенные, например наличие весьма разветвленной и обширной сети подземелий в замке (что я также установил косвенным путем), некоторое равнодушие солдат к прелестям служанок – они, конечно, не упускали удобных случаев и согласно-хитрых глаз, однако словно бы имели доступ к иным источникам женских прелестей. Сдается мне, вечно отсутствующий шун не брезгует промышлять и третьей древнейшей профессией. Нехорошо.

Глава 3

Рубить дрова – это, конечно, хорошо, однако бесконечно долго такое положение дел длиться не может. Две вещи только улучшаются от выдержки – это вино и разговорчивость заключенного. Насчет этого иллюзий я не питал, просто камерой служил весь внутренний двор замка. Рано или поздно руки у шуна должны были дойти и до меня. И вот тут вставал вопрос: что говорить? В общем виде имелось несколько вариантов, например однозначно корявый – косить под местного, в смысле человека этого мира, но из дальних государств, имитировать амнезию, честно докладывать о своем иномировом происхождении или просто красочно врать в стиле «в одной далекой-далекой галактике». Я решил остановиться на смеси трех последних вариантов, то есть, в сущности, действовать по обстоятельствам – куда кривая вывезет. «Я корабль свой проведу – по кривой, по кривой», ага. Первичной целью, она же цель по умолчанию, я определил выживание, в контексте пребывания в замке – сделать так, чтобы меня не убили, второй – изменить свой социальный статус на более интересный (выбор был не столь и велик), третьей – стать полноценным магом.

Как бы далеко ни ушли местные маги в своем совершенствовании, мне, как человеку с принципиально иным мировоззрением, было что достать из рукава. Наверняка ряд концепций, известных в моем мире каждому школьнику, покажется здесь чуть ли не откровением свыше... Впрочем, как и наоборот.

Что такое мощный маг? По сути дела, он является вещью в себе – самодостаточный, защищенный, обладающий инструментами для изменения окружающей среды в масштабах, ограниченных, пожалуй, лишь интересами сопоставимых существей. «Государство – это я», да. Вещь, совершенно невозможная в моем мире, здесь является привычной обыденностью. Понятно, что в начале пути мажонка должен служить и работать в обществе, так сказать, выполнять квесты, добывая себе пропитание и прочее необходимое. С ростом могущества нужды тела отходят на задний план, отгрохать себе башню или домик в деревне может уже магистр – далеко не самая верхушка иерархии. Ну а интересы всяких высших и великих магов по определению отстоят от обычных так далеко, что считать их людьми было бы фатальной ошибкой. Здесь таится страшная ловушка и одновременно испытание силой. Бездарно растрагиваться на водружение разнообразных корон себе на чело, а собственного афедрона – на неудобные большие стулья, именуемые тронами, или пойти путем безграничного познания мира и себя (что, впрочем, тоже может завести в дебри контргуманистические)...

Привычная мне парадигма практически диаметрально противоположна. Бытующая в Империи теория сингулярности, или Великого Изменения, разделяемая большей частью населения, еще сильнее укрепляет и без того солидарное общество. Мы одна семья, мы одной крови – ты и я.

Великое Изменение... С некоторых пор в имперской печати начали появляться весьма интересные статьи, сначала в очень серьезных академических изданиях, затем в изданиях рангом ниже... И так вплоть до средств информации с целевой аудиторией из рабочих основных профессий. Доступны в Сети были все, другое дело, кто бы их читал... Я почти дословно помнил статью предстоятеля Церкви, патриарха Павла на ресурсе «Через терции – к звездам!», не академическом, конечно, но и не совсем популярном, во втором значении этого слова.

«Хватит чувствовать страх перед небом! Мы рождены летать. Пусть тела наши косны и бранны, дух же вечно тяготится «непреодолимыми» барьерами бытия. Искра Отца есть у всех, у некоторых она пылает жарким костром, бушует верховым пожаром, а у иных превосходит яркостью своей и петаваттный лазер. Феанор, в вечном кипении своем знай: ты не одинок. Есть сходные тебе, а меж тем грядут и те, кто будет сильнее нас. Титаны, стоящие на плечах титанов, – что может быть страшнее для пустоты? Пусть звезды поют свои миллионлетние гимны, но понять смысл деяний Отца смогут только они... либо наполнить косм своим собственным смыслом. Древний поэт писал: «Луна имеет смысл, лишь когда под нею есть хотя бы парочка влюбленных», и был столь гениально прозорлив, что эти строки верны и поныне.

Мы, люди, вновь наполнены ощущением скорого всемогущества, гордо проистекающего из наших собственных усилий, как и два века назад. Мы готовимся к Великому Изменению, ощущаем бесконечную тень экспоненциального барьера за горизонтом событий, измеряем ускорение ускорения развития... и с нетерпением ждем ту всеобъемлющую парадоксальную вспышку, что высветит перед нами выбор, доселе не достававшийся никому. Что это будет за выбор, мы узнаем, быть может, только за квант времени перед ним – и нам хватит этого для должной подготовки. Что до моего мнения, то это будет выбор между экспоненциальной кривой и спиралевидной, поскольку последняя при всей кажущейся привлекательности таит в себе и смертельную угрозу исчерпания движения.

Природа и суть Великого Изменения пока неподвластны нашему разумению, однако мы уже знаем точно: оно грядет. Пока же ясно лишь одно – встретить этот величайший вызов в истории человечества люди должны в единстве! С ростом могущества цивилизации все ярче проявляется наш дуализм – прорывы в неизведанное достигаются кровью гениев, однако дороги в него строятся потом миллионных коллективов. Если Архимед мог совершать открытия в ванне, то сейчас невозможно представить одиночку, монтирующего Второй Мюонный Коллайдер. С каждым годом инновации изобретаются все легче и быстрее – и все труднее становится их внедрение. Открытия совершаются по сотне в день, однако их движущая сила сталкивается с тем, что ученые начинают называть сверхпроблемами.

Естественно, что преодоление Вызова, превосходящего человеческое воображение, может быть осуществлено только людьми как разумным видом в целом. Это будет усилие соборного духа, усилие из тех, что определяют все дальнейшее развитие мира, усилие, сколь непредставимо тяжелое, столь же и радостно-интересное.

Бывают шансы, что даются только раз в жизни – неважно, жизнь это галактики, Отца или человека. Отец свой шанс пресуществил. Оглянитесь же вокруг с новым пониманием – используем ли свой шанс мы?»

Патриарх позволил себе одну-единственную оговорку – «нас», но никто ни на секунду не усомнился в праве этого человека на нее. Надо полагать, оригинал этой статьи в неадаптированном виде был гораздо более полон... и труден для среднестатистического понимания.

В свете всего вышесказанного, легко понять, что я находился в затруднительном положении. Бывают ли маги-коммунары? Ну да, с их крайним, возведенным в степень индивидуализмом, плавно переходящим в мизантропию... Однако реальность, данная в ощущениях, никуда деваться не собиралась и фактически не оставляла мне выбора, если, конечно, я не желал до конца дней колоть дрова.

Тут-то и пригодился иной опыт. Зона перегиба констант отделяла миры человечества, миры Империи от владений Урр-Казад, миров воплощенного мыследействия. Туда хода нам не было, как и оттуда... хотя там кое-кто считал иначе. А вот с «другой стороны», если можно так выразиться применительно к абстрактной физике многомерия, располагались миры, весьма похожие на наши. Только там история пошла чуть-чуть по-другому, начиная с какой-то точки, что привело к весьма значительным отличиям в настоящем. До некоторого времени мы не имели возможности контакта, все исследования в области физико-совмещенных пространств требовали просто-таки чудовищных энергетических затрат из-за влияния так называемого вырожденного поля. Это так физики говорили, поймал краем уха, а вообще, нас, «кубоголовых динозавров», «брюссельских мышц» и еще тысяча и одно дурацкое прозвище, не очень-то просвещали на данную тему. Знаю только, что потом то ли давление этого самого поля снизилось, то ли ученые что-то придумали, но стало возможным гораздо более свободное перемещение, чем то, которое могли обеспечить исполинские Установки. Я как-то раз был в мире Край, в музее, в который превратили остатки регионального артиллерийского центра, некогда построенного вокруг такой Установки. Что сказать, умели предки строить – с размахом и на века. Одно только пятидесятикилометровое кольцо главного накопителя чего стоит. Сейчас же все проще. Вот и зародилась в неких умных головах мысль о том, что интересы Империи нужно в первую очередь защищать за пределами ее границ. И понеслось. Хорошо хоть Государь у нас башковит, особо разгуляться этим придуркам не дает. Стонут, но ограничиваются поневоле казачками посланными... А мы, прямая силовая поддержка, время от времени вытаскиваем их хитроумия из очередной заслуженной задницы.

За время службы приходилось бывать в таких мирах, что даже и вспоминать не хочется. Поистине человек без узды – морали, веры ли, закона, наконец, – может пасть в такие бездны, что Ад будет направлять сотрудников на повышение квалификации. И зря эти сепры долдонят о необходимости сбросить ненавистные узды, что скорее спасательный канат над пропастью, – плавали, знаем. Слишком уж схожи ваши речи, господа, с виденным мной в других пространствах. Надеюсь, парни с чистыми руками разберутся, откуда тут уши торчат.

Вот на эти навыки я и надеялся. Прогрессорствовать не собираюсь, потому что как ни изобретай авторучку – все равно танк сделают. Завоевывать мир – тоже, на фиг он мне сдался, так что займусь самообразованием. Ну а кто в процессе захочет почесать кулаки об мою тушку – сам виноват, что уже не достигнет погон «заднего адмирала». Итак, решено. Буду становиться магом, желательный статус – «нейтрал с кулаками», коэффициент оверкилла – как минимум двойка.

Все-таки Средневековье было далеко не самым приятным местом для жизни. Любой может это прочувствовать, выехав на пару недель в лес. Вода – только та, что из ручья либо из колодца, чтобы нагреть – изволь разжечь огонь, ходить до ветру, особенно зимой, – развлечение

поистине экстремальное, сродни моржеванию, ну а рацион, разнящийся от региона к региону, в целом сильно оставлял желать лучшего, и это без учета наличия отсутствия толковой кухонной утвари. Нужны котлетки, нужен фарш? Два ножа поострее в зубы, и вперед. Тут-то и познается прелесть плодов прогресса, ведь без мясорубки изготовить приличный фарш – настоящее искусство, требующее долгой и вдумчивой практики. Еще я не упомянул об отсутствии лекарств и медицины вообще, того, сего и этого... Легче перечислить имевшееся, чем перечислять минусы. В общем, жизнь твоя – копейка. Неудивительно тогдашнее спокойно-философское отношение к смерти – изменить все равно было ничего нельзя.

А вот наличие магии меняло очень многое. Взять ту же воду. Никто не занимался подъемом ее из колодцев, хотя они в замке были – на всякий военный случай, три штуки, каждый глубиной метров по двести. Крутить ворот вручную было бы страшной морокой. Вместо этого со дна колодцев шли толстенные каменные колонны, некогда выращенные приглашенным магом Земли. Камень в колоннах был пористым и состоял из мириад тончайших капилляров, по которым вода под отрицательным давлением поднималась на поверхность, заодно очищаясь от любых примесей до кристально чистого состояния. Не знаю, как фильтры справлялись с простыми примесями – наверное, какая-то особая магия, но факт: отравить колодцы было практически невозможно. На вершине каждой колонны была устроена самая настоящая водоколонка, только каменная. В качестве рычага служил деревянный дрын, нажми – и потечет, причем неслабой струей. Запас таких рычагов помещался здесь же на специальной полке. Отдельные ветви колонн были выведены на кухню, в баню, портомойню и фонтал. Подозреваю, что маг мог сделать водоснабжение хоть в каждую комнату – благо чтобы додуматься до этого, даже ТРИЗ не нужен, хватит простой бытовой логики, – но то ли не захотел, то ли, что более вероятно, практически безальтернативные услуги мага стоят весьма дорого, и владельца замка удушило земноводное. Но даже и так работа прислуги была облегчена просто сказочно.

С теплом тоже отдельная песня. В подвалы меня, разумеется, не пускали, так что я мог полагаться лишь на сбивчивые объяснения не самых образованных в мире слуг. Из услышанного я сделал вывод, что замок, помимо ручных демонов Максвелла, обогревается и охлаждается самым настоящим геотермальным тепловым насосом! Дед сказал бы: «Как в лучших домах Лондона и Парижу», но за отсутствием ныне в природе данных городов, скажу, что не всякий дом в Туруханске и Караколе оборудован подобной системой.

А дальше приходилось ножками, ножками... вернее, ручками – стирать, гладить, мыть, готовить. Оставалось лишь догадываться, как выглядят обиталища магов, почти наверняка они не уступают по удобству современным мне жилищам. А уж по защищенности точно дадут фору самым параноидальным крепостям и бункерам, какие я только видел в разных мирах.

Ну, это уже профессиональная деформация, можно сказать. С чего бы ни начал, все равно сползаю на безопасность. Все замки должны быть закрыты, все шторы задернуты... Кстати, насчет замков. Некоторые двери тут запирались явно магическим способом и отзывались каждая по-своему – на знак доверенного слуги, на знак ключника, на жетон солдата, на жест мага, наконец. Вернее, все до единой двери, выходящие во внутренний двор, имели подобные запоры, но постоянно закрыты были только несколько. Смысл запирать не во время осады дверь в фонтал или в прачечную?

Наблюдение за жизнью замка позволило мне сделать и сформулировать два небезынтересных вывода. Первый, наиболее очевидный, который я уже приводил ранее: служба войск была поставлена как надо. Причем не то чтобы все были вздрючены и завинчены, а скорее хорошо так замотивированы. К тому же чувствовалась *система*. Как бы это объяснить... Да вот хотя бы на примере караульной службы. Можно взять отлично обученных солдат и использовать их

совершенно дебильным образом, так, что «снять» часовых не составит труда даже пьяному слесарю. Можно, наоборот, взять зеленых желторотиков и при помощи грамотной методики организовать все так, что мышь не проскользнет, не говоря уже о всяких там ниндзя. Если же совместить и хороших солдат, и грамотную организацию... Получится суцая конфетка – ну или ужас разведчика, это смотря с какой стороны находиться.

Архитектор тоже постарался на славу. Во всем дворе не было непростреливаемых со стен зон, даже во рву перед вторым оборонительным кольцом, причем большая часть простреливалась перекрестным огнем. Все временные – читай, деревянные – постройки располагались таким образом, чтобы не нарушать это жизненное правило. Кое-где на плитах двора была даже нанесена разметка под возможные будущие строения, с тем чтобы и они не выбивались из общего ряда.

А второй вывод был не так очевиден и касался дел магических. Замок был прикрыт и с этой стороны. Оценить защиту я еще не мог, но вот нависающую над головой незримую скалу чувствовал постоянно.

Поскольку я самым серьезным образом вознамерился стать магом не из последних, то все время и силы отдавал совершенствованию в этой области. Надо сказать, наталкивался я здесь на препятствия настолько абстрактные и непонятные, что весь мой предыдущий опыт помочь практически не мог. Сразу попытавшись соорудить что-то вроде магического радара, который был бы невероятно удобен в практике, я столкнулся с тем, что ощущаемые мной магические проявления не имели ничего общего с привычным трехмерным пространством. Чувствовать-то я их чувствовал, однако для них не удавалось определить ни направление, ни расстояние. Это натуральным образом выбивало почву из-под ног. Что толку знать, что где-то есть постоянный «всплеск» магической энергии, если при попытке осознать сущность этого «где-то» тут же начинали заезжать шарики за ролики? Мозги еще скрипели от непреклонного выделения канала магического восприятия в отдельный орган чувств – непреклонного, потому что, однажды попытавшись визуализировать поступающую информацию, то есть «увидеть» пресловутые «магические потоки» и «силы», я едва не сошел с ума. Представить себе пламя или там красивые световые завитушки еще было можно, но то, что при этом они располагались сразу везде и нигде, наслаивались друг на друга и... Нет, об этом лучше не вспоминать. Долго еще мне потом икалось от эксперимента, мозги никак не хотели вставать на место, все сенсорные потоки перемешались и завихрились. Я то ощущал «шершавый свет» и «кислый звук», то измерял расстояние в «желтых метрах», а предметы видел в какой-то искаженной перспективе. «Справа» – это предельный случай «слева», «наверху» – вообще «кот с маслом и уксусной шваброй».

Хорошо еще колка дров – занятие однообразное и монотонное, прерываемое лишь особо сучковатыми и свилеватыми чурками. В принципе тоже требует сложного мышечного комплекса, однако уж такое-то я мог вешать «на автомат», после кручения в карданном подвесе с одновременной сборкой-разборкой автомата и решением математических задач это не представлялось сложной проблемой. Вот и пугал Друка пустыми глазами, тем временем пытаюсь совладать с собственным рассудком. Помогло, как ни странно, классическое школьно-вузовское образование, вернее, принципы, в нем заложенные. Помнится, многие недоумевали, зачем «кубоголовым» изучать высшую геометрию или начала анализа. Ан нет, пригодилось. Вернусь, зайду к капитану, нещадно шпынявшему двоечников, и задарюсь парой семейного темного красного, которое еще мой дед ставил. И профу тоже.

Я придумал свой собственный понятийный аппарат для всей этой белиберды. Вот взял и придумал, при этом старался максимально отойти от привычных обозначений. То есть ввел

разные «ху», «кляк», «бурз» и «гныг», ничего в обыденности не значащие, и обозначил ими разные непроизносимые оттенки своих ощущений от «шевеления хвостом». Получившаяся конструкция едва не расплавила мне мозги, однако отвлекла их от непрекращающихся, но тщетных попыток визуализации и соотнесения с окружающим миром, что сильно действовало на мое душевное здоровье. Уйдя в дебри абстракции, я с удивлением обнаружил, что для описания положения магического объекта необходимо не менее четырех единиц класса «ых». Вернее, точно четыре. Ага, уже теплее. Это-то несоответствие и мешало нормально жить, сворачивая крышу набекрень. Описание же движения объекта требовало еще четырех других единиц, причем из разных классов «ге», «зиг» и «ойс». По-хорошему, нужно было составить кучу координатных таблиц и производить действия над ними, но это я уже не потянул. Вместо этого пришлось смухлевать, загнав данный процесс в подсознание. Человеческий мозг – штука загадочная, но мощная, нехай трудится, а я ему буду задания спускать.

...Щас! Нет, так не пойдет. Сразу нарушилась тонкая моторика – видимо, сложность задачи съела почти все ресурсы, недаром лоб горячий, что печка-пошехонка. И это при концентрации на одном-единственном объекте. Придется еще как-то оптимизировать процесс. А если попроще, вынести вот это за скобки?..

...М-да, и как местные маги со всем этим справляются? Рационализировать удалось далеко не все, большая часть оставалась лишь приблизительно-интуитивно понятной. Или непонятной совсем. Впрочем, что я хотел от одной недели занятий? Наверняка маги сотни лет над загадками бьются.

Теперь вставала другая актуальная задача – соотнесение с внешним миром, пускай даже самое приблизительное. Как-то же я ведь яблоки по столу катаю? При ближайшем рассмотрении оказалось, что все еще менее понятно, чем было ранее. Ну да, я создавал магический объект, не пойми, то ли в своем воображении, то ли реально в «где-то». Потом задавал ему с десяток свойств «гы», «гы-1», «гы-2» и так далее и – «испражнял ману», как читывал некогда в одной дрянной книжке. Даже суть ее забыл, а это вот дурацкое прилипло. Все, яблоко катилось. При этом я сам был магическим объектом, ряд показателей которого брались из тех же таблиц, что и для новосозданного. То есть наоборот – для объекта из моих. Ну как, понятно что-нибудь? Вот и мне...

...Все-таки магические объекты создаются «где-то», поскольку за пару тысяч повторений однотипного действия мне удалось выяснить, что при толчке яблока изменяются через ряд сложных соотношений опять же четыре параметра... Тыфу, теперь понимаю, почему математики и криптографы никому ничего не могут объяснить вне своего круга. В общем, говоря человеческим языком, я, как сложный магический объект, имею параметр «М», эм большое, то есть ману. Он расходуется на создание прочих объектов, непосредственно связанных с родительским, то есть со мной. При этом расходуются еще и телесные силы, отчего после занятий одежду хоть выжимай. Почему – неизвестно. Наделить создаваемые объекты «М» невозможно, по крайней мере у меня не вышло. С окружающим же неабстрактным пространством такие магические объекты соотносятся исключительно как проекции. Тут я очень кстати вспомнил институтский ролик «Тень от четырехмерных тел на трехмерное пространство», что очень помогло в понимании происходящих процессов. Не то чтобы я во всем и сразу разобрался, но хотя бы крышу перестало сносить.

А потом пришел мэтр Лирий.

Вечером я как раз занимался, для чего загнал себя в своеобразное состояние психики, полумедитацию-полутранс – так лучше всего выходило «шевелить хвостом». Чтобы еще больше

свернуть мозги, я при этом не закрывал глаз и двигался по комнате. Сознание разрывало от попыток раздавать внимание совершенно чуждым одновременным процессам, однако с каждым разом выходило все лучше, пусть и микроскопическими шажками. Заслышав шаги в коридоре, я сел на лавку, подтянул со стола кувшин и стал пить.

В том своеобразном, лишенном привычных ориентиров магическом «пространстве» маг Лирий воспринимался как большой и сложный объект, многие из параметров которого оставались недоступными. С ним была связана масса простых объектов, причем я почти сразу заметил их общую особенность. Параметр «М» у меня был простым и ни с чем не связывался, а вот у мага и окружающих его объектов он был составным! То есть его «М» распадалось на «М-1», «М-2», «М-3» и так далее, причем они находились в стройной иерархии. «М» делилось на четыре, далее на восемь, тридцать два и сто двадцать восемь. Все объекты при маге имели общие с ним параметры из этой пирамиды, например один из них описывался с этой стороны как «М-2.6.24.117» и имел массу запутанных связей с прочими. Настолько запутанных, что у меня опять закружилась голова. Нет, нужно с этим что-то делать! При попытке залезть вовнутрь этих объектов и понять их структуру, количество параметров растет в геометрической прогрессии. Похоже, надо менять сам способ представления, например перейти на цветовые соотношения или слоговые описания. Правда, тогда это будет похоже на речь средиземских онтов, а ведь в ней еще должны быть отсылки и пересечения с другими слоговыми цепочками...

Еще я заметил, что маг не использовал половину параметров из первой ступеньки иерархии. То есть все его объекты начинались с «М-2» и «М-3». Внутри было еще беднее: из восьми второй ступени использовалось три, из третьей – шесть и из четвертой – двадцать восемь. И как прикажете понимать?

Тем временем Лирий вошел, как обычно, без стука – только треснула в стену дверь – и уставился на меня своим немигающим взглядом. В коридоре двумя тенями маячил солдат с большой собакой. Эта собака в свое время вызвала у меня гомерический смех, хорошо так укрепивший мнение слуг о моей шизанутости. Дело было в том, что на местном языке она называлась «курцхаар». Да-да, точно так же, как одна из земных пород. Название было образовано сложением трех слов – «курц-ха-ар», то есть буквально «следующий за псом» или «пес, следующий за хозяином». В смысле следующий везде – в жару и холод, в горах и в степи, на охоте и в бою. А вот выглядела собака не как худосочный легавый пойнтер, а скорее как громадный хотошо [5] – те же крепкие лапы, широкая грудь, квадратная морда со страшными зубами, длинная шерсть и умные глаза. Проржавшись («вот ОН – это курцхаар? Га-га-га...»), я аж умилился, до того эти милые собачки напомнили мне о родине.

На этот раз мэтр долго не смотрел на меня. Бросив один пристальный взгляд, скривился, словно уксуса хлебнул, и вышел. Немедленно скрежетнул засов. Понятно... В ином восприятии он довольно быстро сформировал два хитрых объекта. Первый из них был сравнительно простым, но весьма интересным – часть его параметров бралась из моих собственных таблиц, а часть – из таблиц мага. Или не бралась, а наоборот... Одновременно на меня накатило странное ощущение, словно мы с Лирием на пару секунд стали ближе, чем братья. Надо полагать, так выглядит магическое сканирование. М-да, что-то выдало в Штирлице шпиона – не то ППШ на груди, не то парашют, волочившийся следом...

Второй же объект был на два порядка сложнее и очень быстро перешел от взаимодействия с Лирием к взаимодействию со мной. Ё-мое, он действительно записывает в таблицы! Попытавшись встать, я не удержал равновесия и грохнулся на пол. В теле разом отказали все мышцы. Вернее, не отказали, а словно бы перепутались – пытаюсь пошевелить пальцем, я напрягал квадрицепс, а через секунду тот же сигнал на палец приводил в действие уже

ягодичные мускулы. Вот гад, жучара Пендальф! Так-то я бы еще побарахтался, для тренированного сознания не так уж сложно выстроить статичные соответствия (в дальнейшем я понял, насколько был не прав) и совершить подмену сигналов, а вот как сейчас – попробуй угадай, чем именно дернешь в следующий раз.

И тут грянуло.

В первую секунду я подумал, что поблизости произошел ядерный взрыв. Сначала мертвенно-белое сияние залило все вокруг. Оно было настолько ярким, что я на какое-то время ослеп. Сразу же пол комнаты больно ударил снизу, все предметы обстановки подскочили, из отверстий в стенах вылетели серые клубы, и раздался чудовищный грохот, в котором отчетливой нотой слышался визг и скрежет перетираемого в пыль камня.

Вслед за первым ударом раздался второй, почти столь же мощный, за ним еще и еще. А я лежал на полу, словно отбивная, только и мог, что вращать орбитами глаз. Очередной страшный удар – треснул потолок. От него отвалился громадный пласт, двухметровый кусок камня, и медленно стал падать – прямо на меня. Попытавшись отпрыгнуть, я добился лишь того, что изо всех сил сжал сфинктер и скрючил пальцы на правой ноге. Тля! Стоп! А почему камень падает так медленно? Это ведь не «растянутое настоящее» боевого транса – пыль-то исправно вылетает из каждой дыры. Глыба совсем замедлила движение и плавно отвалила в сторону, а за ней показались толстые металлические прутья, на которых она свешивалась с потолка. Слава неведомым строителям, пронзившим расплавленный камень арматурой! Несмотря на обстановку, у меня волосы встали дыбом при мысли о том, сколько усилий нужно было затратить на это.

Второй поток внимания отслеживал все происходящее. Нет, это все-таки не ядерное оружие, а значит, магическое. Вот и ответ на вопрос, насколько сильны маги. Дробящие скалы удары прекратились, и вместо них за окном послышалось злобное шипение пламени и ужасные крики. Внезапно потемнело, мгновенно и сразу, будто замок залили морем чернил. Темень наступила такая, что я не видел собственных рук, – держалась она пять ударов сердца и исчезла столь же бесследно, как и появилась. Крики продолжались, но рев и шипение огня стихли. От следующей волны звуков кожа непроизвольно покрылась мурашками. Раздалось громкое гудение, словно летел шмель величиной с крейсер, затем воздух за окном со страшным треском разорвало лиловое полотнище разряда. В мое окно влетела шаровая молния размером с кулак и в огромной вспышке превратила стол в груды дымящихся щепок, при этом нисколько не обугленных.

Да еш твою медь! Я никак не мог справиться с лириевской гадостью, задачка была не по зубам «чайнику», лишь неделю назад узнавшему о существовании магии вообще. Объект, присоединившийся ко мне и охвативший почти со всех сторон, не поддавался моим воздействиям. Плюнув на осторожность, я изо всех сил пытался сделать хоть что-нибудь – благо эта штука не действовала на «шевеление хвостом», – изменить хоть один из параметров, однако они неизменно возвращались к прежним значениям. Борьба уже вымотала настолько, что сердце едва не вылетало из груди, а пот пропитал всю одежду насквозь. Умом я понимал, что все это бесполезно, первокласснику никак не победить преподавателя, но солдаты Империи не сдаются – и я продолжал попытки.

За окном тем временем гремело и грохотало. Уж не знаю, какие именно воздействия производили подобные эффекты, но шмякало почище артобстрела. Вспышки сверкали ежесекундно, будто орды взбесившихся сварщиков выясняли отношения на плазморезах. В

стену второго этажа жилого дома внутреннего двора – то есть в мою стену – что-то ударило с такой силой, что штукатурка посыпалась на пол, а несколько рядов каменных блоков оторвались от общего массива и вдвинулись вовнутрь. Если бы камень клали на раствор, тут бы мою тушку и привалило. То, что ударилось в стену, упало на плиты двора – и упало гораздо мягче, чем можно было бы ожидать от катапультного валуна. Это мне крайне не понравилось. Мягкий сдвоенный шлепок, будто огромный кот приземлился на лапы, и сразу же – истошные крики: «Кучинга, Кучинга!» Кто-то, видимо сержант или сам капитан, зычным голосом проорал: «Гаер!», в переводе не нуждавшееся... И в стену застучали арбалетные болты. Один из них даже влетел в комнату через щель, образовавшуюся между блоками. Это не понравилось мне еще больше. Как стреляли люди шуна Торра, я видел: у них была богатая практика в обращении с арбалетом... И если почти никто не попал, то эта штука, чем бы она ни была, двигается хорошо, слишком хорошо. Вот и ответ на второй вопрос, что могут химерологи или там маги жизни. Не хотел бы я находиться сейчас на улице...

Но что делать с парализующей гадостью? Каменная пластина дамокловым мечом висела над головой и угрожающе покачивалась при каждом особенно сильном ударе. Мне даже почудилось, что арматурины едва не рвутся под ее тяжестью. Ерунда, конечно, – судя по толщине прутьев, они выдержат и не такое, но разубеждать свое подсознание в опасности сейчас вовсе не в моих интересах. Шевели мозгами! Шевелю...

Не придумав ничего лучше, я решил применить совершенно дурацкий трюк, который сперва отбросил, как, гм, дурацкий. Образно выражаясь, за минувшее время я изучал магические объекты, представленные в виде ассемблерных кодов, если не машинных. Что, если оставить рациональный подход и подняться уровнем выше? То есть сразу несколькими уровнями выше...

«Это змея. Меня обвила огромная змея. Это змея...» В конце концов немного самогипноза, легкий транс и висящий над головой камень позволили обмануть самого себя. Меня обвивала мерзкая и противная змея, ее кольца сжали мое тело так, что все члены затекли и двигались вразнобой... Вообще-то это была полная дурь. Все равно что нюхать нарисованный цветок и ощущать его запах или вообще взять его с листа и в натуральном виде преподнести девушке... но оно работало. Только это и имело значение здесь и сейчас. Змей я не то чтобы люблю, но и не шарахаюсь от них, по крайней мере они вкусные. Эту же конкретную змею я ненавидел. И ненависть подсказала очередное глупое, но верное решение. Все силы я вложил, чтобы разорвать объятия ее холодных колец, все без остатка – то есть напряг все до единой мышцы тела. Усилие, ох, тля, какое усилие, кажется, сейчас эмаль на зубах треснет. Пять секунд, десять, полминуты... И объект сдох. В самом деле, если напряжены все мышцы, то совершенно без разницы, какая на какую подменена. Глюк программы, так сказать, приведший к ее неожиданному завершению.

Да уж, не самый эффективный способ я выбрал. Ведь все висело на волоске – обмануть самого себя еще полбеды, в конце концов, все женщины делают это регулярно, но надолго напрячь одновременно все мышцы... Не каждый сможет. А подняться после этого с пола – удел титанов. По крайней мере, у меня не вышло, даже с измененным организмом. Вот еще одна морoka: куда заведет эта мутация? Надеюсь, я не превращусь в человека-муху.

Сейчас же изменение играло мне на руку, потому что следующий удар массивного тела пришелся в ту же точку, что и предыдущий. Атакующие, не мудрствуя лукаво, ни на йоту не изменили прицел катапульты, или что там у них, и швырнули нового Кучингу по той же траектории. Ну, это я потом уже понял, а пока стена разлеталась крошечками, я только успел перевернуть когда-то неподъемную лавку и нырнуть за нее, мгновенно забыв о всякой слабости. Пыли не было, стена была не оштукатурена, а камень давал только средние и крупные осколки, градом барабанившие по доскам. Выглянув из-за импровизированного

укрытия, я оторопел. В стене зияла дыра размером с грузовик, арматурные прутья – да, там они тоже имелись, вот маньяки все это строили! – изящной розочкой торчали вовнутрь и один за другим лопались со страшными звонкими щелчками. Лопались они оттого, что в середине кучи камня и металла распрямлялось огромное гибкое тело, окутанное сполохами быстро угасающего синего свечения.

Если бы кошку повязать с черепахой или броненосцем, то получился бы потомок такой противоестественной связи, не иначе как прихотью какого-то мага-химеролога увеличенный до размеров гориллы Акимушкина. В максимальном темпе «прокачиваю» гостя. Так, рост примерно два тридцать, ширина плеч метра полтора, руки значительно длиннее ног и мощны, как ветви платана, спина и часть конечностей покрыты крупными, костяными на вид шершавыми щитками – должно быть, в полете оно может сворачиваться на манер ежа, становясь почти неуязвимым. Все остальное покрыто длинной черной шерстью, ровной и блестящей. Четырехпалые кисти, пальцы толще моего предплечья заканчиваются десятисантиметровыми черными же когтями. Все верно, его делали явно не для тонкой работы.

Это я додумывал уже на бегу, разгоняясь по направлению к двери. Ловить тут было нечего, ни малейших шансов противостоять ЭТОМУ я не имел. Масутацу Ояма мог биться с быками, но, думаю, здесь и он запросил бы крупнокалиберный пулемет. Единственным выходом было бегство – причем выходов имелось всего два, и оба были перекрыты. Но в сравнении с бронекотом дверь выглядела намного предпочтительнее. По крайней мере, у нее не было таких когтей и таких умных, внимательных желтых глаз с щелевидными зрачками. Брр...

Ну что сказать? Мне повезло. В первый раз – когда удалось выломать дверь с первого удара. Скажи мне кто раньше, что можно с пинка вынести толстенную дверь из трех слоев набитых крест-накрест плах, усиленную железными полосами и запертую на засов в ладонь шириной... М-да... Я успел сделать только два шага, как тварь молниеносным движением развернулась, небрежно разрывая последние арматурины. О ее спинной щит стучали арбалетные болты, но нечасто – большая часть стрелков была занята первым Кучингой, наводившим во дворе настоящую дискотеку, судя по истошным воплям снаружи. Следующим движением отогнув мешающий металл, зверюга прыгнула. Скорость ее движений была просто фантастической, гораздо быстрее, чем можно было бы ожидать от зверя таких размеров. Р-раз – и она уже посередине комнаты, два – и выносит остатки разбитой двери в коридор, чуть замешкавшись в обломках.

Слава тебе, майор Грязнов, научивший меня «удару быка»! В этот удар ногой назад с разворота я вложил всю свою новую силу и всю массу тела, помноженную на развитую к тому моменту скорость, – и дверь сломалась, хотя я сперва подумал, что сломалась пяточная кость. Бронекот не достал совсем чуть-чуть, какие-то сантиметры. Хорошо, что строители-параноики сделали дверной проем низким и узким, чтобы затруднить штурм, и то тварь миновала его одним гибким текучим движением, лишь немного задержавшись.

Выскочив в коридор, я устремился по коридору, подгоняемый смертельным ветром в затылок. Кучинга мчался следом, легкий, как лепесток, и быстрый, как клевок цапли. Самым страшным было то, что тварь не издавала никаких звуков, кроме шелеста мощного дыхания. Даже когти не скрежетали по полу – видимо, были втяжными. Я не мог обернуться, полностью поглощенный развитием максимальной скорости, но ОН был гораздо быстрее. За эти секунды в мою кровь выплеснулось столько адреналина, что я, пожалуй, далеко побил имперский рекорд стометровки, все волоски на коже стояли дыбом от, гм, опаски, и все-таки ОН догонял с каждым мягким прыжком. Ойтля-а-а... Впереди была рамка. Та самая рамка на пересечении с

более широким проходом, показывая на которую воин провел рукой по горлу. Наверняка во время осадного положения она на боевом взводе, а никакого жетона у меня нет. И кусочки шерсти я в окно совал... Что делать?

Стоп, я же типа маг? Ага, и что ты можешь, «маг»? Да ни хрена! И все-таки впереди – смерть, позади – смерть... Сделай хоть что-нибудь! Резко торможу, разворачиваюсь и «шевелю хвостом» навстречу накатывающему локомотиву четырехсот килограммов стальных мышц и клыков. Э-э... это уже не «ойтля», это настоящий «данунах». Боевая машина смерти, покрытая жесткой, как проволока, нежно-розовой шерстью... Вот это я смагичил! Мечта блондинки, розовый плюшевый котик, стероидов переел, правда. Как поется в одной песенке: «Сделать хотел грозу, а получил козу»...

Всё. У меня один шанс. ОН и не думает тормозить, резонно рассчитывает просто смести с пути жалкую фигурку... Что ж, пусть сила замкнет кольцо и встретится сама с собой. Главное – не дать коснуться себя. Этим пальцам достаточно сомкнуться только один раз, я хорошо помнил негодующий голос раздираемой стали. Предельный темп! Мгновения размазываются в нечто неопределенное. Огромная четырехпалая лапища устремляется вперед куда быстрее стрелы, делаю шаг в сторону, рукой отвожу... пытаюсь отвести (ага, отвести железобетонную балку)... ладно, это меня качает вбок, но зато, используя эту точку опоры и захват за шерсть на животе... Какой гад обучает ИХ еще и рукопашке? Этому надо учить слабеньких и беззащитных, чтобы они могли подольше потрепыхаться, а не бронированных горилломорфных котов, которых испугался бы и гигантопитек! В животе вспыхивает ослепительная боль – это усеянное костяными бляшками огромное колено проминает мои внутренности почти до хребта. А я-то, дурень, еще гордился своим прессом! Не отпускать, только не отпускать! Раздирающее мышцы усилие, согласный проворот двух почти слившихся тел, и я все-таки выскальзываю из-под сметающего удара отточенных саблевидных когтей, сложившись пополам до болезненного хруста в позвоночнике. Отпускаю. Инерция несет кота дальше... дальше... прямо в створ рамки. И со злобным удовлетворением наблюдаю, как в делящейся белой вспышке исчезает могучее тело.

Рамка не смогла переварить только кончик хвоста. Вот он, пушистый метровой обрубок толщиной с руку, валяется прямо посередине коридора. А рамка расплавилась. С потолка свисает длинная железная сосулька, уже остыла и не светится, в пазах стен застывшие ручейки металла, в коридоре сильно пахнет кузней. Сажу под стеной уже минут пять, встать не могу, ноги не держат. Полное физическое и моральное опустошение. Снаружи продолжается бой – похоже, маги уже выяснили отношения, теперь дело за солдатами. Непонятно, как атакующие смогли вступить в непосредственное соприкосновение с противником – никакая портативная деревянная лестница не может быть в высоту в двадцать пять – тридцать метров, забрасывать веревки на стены прямо под огнем тоже дело гиблое, разве что имеется десятикратный численный перевес и бесконечные патроны, чтобы «заклепать» бойницы постоянным потоком стрел. Ну да, попробуйте-ка «заклепать» машикули, конструкция которых специально заточена против этого. Явно дело тут нечисто, в смысле не обошлось без этой вашей магии. Нет, стоп. Если я действительно хочу стать магом, то пора прекратить думать таким вот образом, ни к чему хорошему это не приведет.

Кстати, о птичках. Что там показывает седьмое чувство? Ом-м-м... ом-м-м... Та-ак, это мне пока не по зубам. Сотни и тысячи динамических объектов создают в восприятии настоящий хаос. Бесплезно пытаться что-либо понять в этой мешанине – столь сложные взаимопересечения и коловращения диких незнакомых форм мгновенно наполняют разум чувством арии Риголетто. В смысле меня начинает тошнить. Только этого не хватало. Тут еще появляется некий объект совершенно непредставимой, запредельной сложности, словно исполинский кракен, медленно всплывающий со дна сквозь рыбы косяки. Этого я вынести уже не могу и поспешно сбрасываю

концентрацию.

Я начинаю по-настоящему уважать местных магов. Должно быть, у ребят мозги килограмма по три, не меньше, а то и вовсе как у кашалота. Либо... либо они используют какой-то другой, не столь вывихивающий способ магичения. Ничего подобного пока придумать не могу, так что с магвосприятием придется погодить. Хорошо, мне пока достаточно просто выйти из транса, чтобы прекратить ощущать. Дальше же, боюсь, придется изобретать способ магически «зажмуриться». Ладно, передышка закончена, пора выбираться отсюда, пока еще-кто-нибудь не прилетел. Беру в руки хвост на манер дубинки, благо он довольно тяжел, а вот гнется не очень – за набитый песком кусок шланга вполне сойдет. А кровь у кота темно-красная, почти черная, и мясо такое же. Со старческим кряхтением поднимаюсь и ковыляю в большой коридор.

Внезапно, без всякого предупреждения, водопадом обрушивается БОЛЬ. Я кричу, не слыша своего голоса, и дикими надрывными голосами со стен вторят уцелевшие солдаты. Да что там – вопли слышны даже из-за стены. Если бы я еще мог удивляться – удивился бы непременно: это ж как нужно орать, чтобы звук дошел через стену двадцатипятиметровой высоты и одиннадцатиметровой толщины? Потом БОЛЬ рывком усиливается, хотя куда еще-то, превращаясь в БОЛЬ, и сознание наконец милосердно гаснет.

Глава 4

...Я – наглядное пособие по экстремальной геронтологии. До выхода во внутренний двор еще два поворота, и этот путь занимает у меня минут десять. Я – иссушенная египетская мумия, покрытое глицерином пособие из анатомички. В буксах суставов скрипит песок, и он же сыпется изнутри при каждом движении. С трудом удерживаюсь от того, чтобы не оглянуться и не проверить, не оставляю ли я за собой дорожку. Чем же меня так приложило? Последнее, что помню: сверхсложный объект в магическом пространстве, описать который не смогу даже приблизительно. Помню только, что начинался он на «М-3»... и все. То есть никаких нижележащих делений в нем не было, чистое «М-3», а вот сложность была невероятной, сотни тысяч, если не миллионы параметров. Должно быть, какое-то заклинание особой мощности.

Вот и заветная дверь... вернее, ее остатки. Только выглядывать нужно очень-очень осторожно, мало ли какой любитель засандалить на движение найдется, и, судя по ранним звукам боя, засандалить весьма было чем. Тишина очень подозрительна, ибо не бывает обычно такой тишины. Мне бы зеркальце, а еще лучше – микрокамеру на гибком зонде. Да где уж.

Над обликом двора поработал очень хороший, гм, художник. И чувство меры, и богатая палитра, и недюжинное воображение – всего у него имелось в достатке. Только заканчивал он, по всей видимости, филиал Строгановки в Нижних Мирах.

Кучингу в конце концов прибили, но заплатили за это дорогой ценой. На изуродованной туше, сплошь утыканной черенками болтов, лежали оба кудлатых братца из свиты шуна. Уважаю – вдвоем уделать такого монстра, пусть даже при поддержке арбалетчиков. На одном прочнейшая кольчуга была распахана от ключицы до пупа, вместе с плотью, разумеется, другой видимых повреждений не имел, но торс его был странно смят, словно провалился внутрь самого себя. Отрубивший коту руку меч одного из братьев наполовину погрузился в плиты двора и косо торчал из камня. Холодок пробежал у меня от затылка до копчика. Это – оружие дружинника, пусть и личного. Какой же тогда меч у самого шуна? Дюраль в смысле Дюрандаль?

И почему так тихо? Все умерли? Я еще минут пятнадцать лежал у последнего поворота коридора и внимательнейшим образом слушал. Ничего. Происходящее не нравилось мне все больше и больше. Я осторожно прополз вперед и смог рассмотреть вход в замок. Он пребывал в поистине удручающем состоянии. Цапфы исполинского каменного затвора, заменявшего ворота, соскочили со своих ложементов, противовес отломился, и теперь никакая сила не могла бы поднять многотонную махину, чтобы освободить проход. Обе воротные башни были сильно погрызены, их высота уменьшилась наполовину, правая при этом оплыла свечой и до сих пор светилась малиновым. М-да, пожалуй, по поражающему воздействию магии вполне могут сравниться с «Буратосом» [6].

Не сказать что двор был сплошь завален трупами, но под стенами и около ворот их скопилось изрядное количество – как оборонявшихся, так и атакующих. Последние отличались мало. В сущности, только тем, что у солдат шуна форма косила под единую, а у тех была сборная селянка – я насчитал не менее трех разных вариантов. Вооружение чуток похуже, щиты немного иной формы, вместо арбалетов у части солдат имелись луки, на этом различия заканчивались. Э-э, стоп! Это ведь не трупы вражки лежат, что-то плосковаты они для трупов-то. Во дворе вместо тел солдат противника лежали комплекты их формы и одежды вместе с вооружением. Что за...

Какая все-таки нехорошая тишина. «Скрипя сердцем», пришлось воспользоваться кое-чем особенным. Далеко по Пути я не ушел, и до сиддхи *дивьяшротра* [7] было как до Проксимы Центавра пешком, но... В общем, когда я весь превратился в одно большое ухо, то смог выяснить две вещи. Во-первых, в радиусе полутора километров от замка не было ничего живого. Вообще ничего, даже ближайšie птицы находились километров так за пятнадцать – и стремительно улепетывали. За полтора начинали появляться первые насекомые, которые также стремились убраться подальше в меру своих насекомых сил. Во-вторых, в самом замке кроме меня было еще лишь одно живое существо. Это был человек, он находился на вершине Дозорной башни, и он медленно умирал. А еще я узнал отголоски силы этого человека. Это был мэтр Лирий.

Итак, дано: нужно добраться до вершины стометровой каменной башни, располагающейся в кольце стен высотой тридцать два метра, имеющих отрицательный уклон и платформу с машикулями сверху. Ворота есть, но они заперты и хорошо если не завалены. Вход в башню со двора и со стен отсутствует, есть подземный проход через донжон и через пристроенную двухэтажную коробку помещений личной дружины. Ну то есть никто мне этого не докладывал, конечно, просто большинство замков строится по нескольким отработанным схемам. Учитывая общую параноидальность местной системы обороны, наверняка коридоры перекрыты всяческими летальными сюрпризами. М-да, что-то совсем не хочется туда лезть. А оно мне надо вообще-то? Ну подышает там этот Лирий, ну и пес с ним. По-быстрому соберусь и уйду отсюда, сколько-то денег есть у ключника, оружия во дворе на батальон хватит...

Эх, и стану я тогда окончательно местным, в худшем смысле этого слова. На днях шун судил пойманных разбойников – вот куда солдат гоняют регулярно – и приговорил их всех к посажению на кол. А это очень нехорошая казнь, гораздо хуже даже пятерения. В таком виде человек может жить еще несколько дней... В природе подобным занимаются некоторые виды сорокопудов, нанизывая добычу на колючки и острые веточки.

Среди разбойников были еще их девки и пара подручных-мальчишек лет десяти – их всех казнили точно так же. И местные встретили приговор с одобрением! Понятно, что потерпели от шайки они тоже немало, но все-таки не по-людски это. Повесили бы просто, да и дело с концом...

К тому же куда я пойду? Ничего не зная об окружающем мире, не имея никакого социального статуса... Судя по тому, как реагировал Лирий, первый же встречный маг меня или поджарит, или закабалит, и хрен что сделаешь. Вот если бы пошарить в бумагах местного молчи-молчи или побывать в кабинете самого шуна, где просто обязана быть Подробная Карта Всех Ближних И Дальних Земель. И висел бы на видном месте ключ от битком набитой сокровищницы... Нет, кроме шуток, нужно это обдумать. Какая-то карта должна быть, пусть даже с обозначениями типа «здесь водятся драконы» - она все равно будет очень полезна. А самое главное - Лирий хоть и противный старикан с гадским шокером, однако не убил, подлечил, зубы как новые сделал опять же. По нынешним временам за такую доброту душевную ящиком белянкой не отделаешься.

Занимаясь такими размышлениями, я в общем-то лукавил сам с собой. Решение было принято уже давно, осталось лишь воплотить его в жизнь. Параллельно я обдумывал еще один вопрос: почему то, что убило всех остальных, не пришибло меня? Версий было много, начиная с той, что во мне - сила Лирия, до предположения, что я все-таки сдохну, только позже, из-за иномирового происхождения, или что я слишком мал и туп, чтобы заклятие меня заметило, либо наоборот, немерено крут и вообще Избранный, сын Создателя. То есть все мы дети Отца, конечно, просто... Тьфу, сам запутался. В итоге решил спросить самого Лирия, раз уж вознамерился до него добраться. Почему-то я считал именно его виновником разразившегося пиришества смерти, уж не знаю почему.

После долгих разглядываний рукотворных препятствий, вздымавшихся к облакам, я решил не лезть в неизведанные коридоры донжона, а вместо этого попытаться решить задачу в лоб - иногда это эффективнее, чем все хитромудрые обходные маневры. Сходил к трупу Кучинги и выдернул «стригающий меч» - он подался неожиданно легко, почти без сопротивления. В плитах двора остался узкий, не более миллиметра, разруб, окруженный валиком расплавленного камня. Интересное кино... Меч был очень красив, шириной четыре пальца у основания, он плавно сбегал к игольному острию, длина сантиметров семьдесят, плюс рукоять в три кулака. В принципе ничего необычного - пока не повернешь лезвие. Миллиметр. Или меньше. Из чего же он сделан? Вроде и сталь, по массе соответствует, темно-синий, почти черный узор на клинке, зеркально отполированные спуски, только вот не бывает стали такой прочности, чтобы при толщине линейки изделие практически не гнулось. Долов нет, что понятно - при такой толщине их просто негде поместить. С замиранием сердца - все инстинкты протестовали против подобного обращения с оружием - я примерился и осторожно рубанул кончиком меча по камню. Ух! Острие проделало тонкую волосяную бороздку в плите, я же ощутил лишь небольшое сопротивление, как если бы рубил подмороженное мясо.

Ух-х! Меня отбросило метра на три в сторону и всего скрючило, в руку словно триста восемьдесят шибануло. Идиот! Да-а, долго еще мышление будет перестраиваться под реалии этого мира. Пока же теоретическое умствование идет еще более-менее, а как доходит до практики... печаль. Я ведь как подумал: холодняк он и есть холодняк, железка, подобрал - и в путь. А то, что у железки может быть собственное мнение на этот счет, и в голову не пришло. Ладно, это «сделало меня сильнее». Что, если брать не голой рукой? Снимаю кольчужную рукавицу с Кочумата - великовата чуть, но сойдет. Берусь... Пять секунд - полет нормальный. А-а-а, самка собаки! Рубчатая цельнометаллическая рукоять, составлявшая одно целое с мечом и гардой, внезапно раскалилась добела... вместе с рукавицей. Хорошо, что ожидал чего-то такого, и то едва успел скинуть. Разумеется, рукоять немедленно потухла. Тут мне пришла в голову очередная идиотская идея. Мир магический, говорите?

- Слушай, друг, такое дело, хозяин твой мертв, как и все вокруг. Так что не дергайся. Я знаю, с

какой стороны за клинок братья, сработаемся. Или хочешь тупо ржаветь тут? В эти развалины еще сотни лет никто не войдет, мэтр Лирий знатно наколбасил. Прими вот. – И с этими словами капаю на лезвие собственной кровью из поцарапанного предплечья. Жду минуту... ничего не происходит. Мажу пальцы в крови и вновь прикасаюсь... Теперь я знаю, что чувствует высоковольтный провод. Кровь немедленно схватилась насмерть – спасло меня только то, что я касался меча тыльной стороной пальцев.

Видимо, Отцу надоело смотреть на этот балаган, и он решил ткнуть в искомое носом. Только так могу объяснить то, что в этот раз меня отбросило прямо на тело Мишана, на груди которого тускло блестел жетон воина личной дружины шуна Торра. Тускло! А раньше жетоны у всех воинов были яркими и имели три разных цвета в зависимости от принадлежности – синий, желтый и белый. Прямо перед глазами, словно бы напоказ, капля моей крови угодила на металл жетона, стекла в желобок и впиталась. Пластинка мгновенно почернела, приняв прямо-таки угольный оттенок, и осталась в таком виде.

Если это не случайность, во что почему-то не верилось... Обмотав руку цепочкой с жетоном, я беру меч, и на этот раз он не пытается оттяпать руку покусившемуся. Есть! Цепочка ложится на шею, меч ныряет в ножны, которые валялись рядом, и удобно устраивается за спиной – соответствующая сбруя прилагалась. Я не великий мастер, но от пьяного лесоруба отмахаться смогу, тем более с такими свойствами оружия. А ведь это артефакт! Немудреная мысль доходит настолько внезапно, что останавливает на полушаге. Сиськи-масиськи, да ведь со времени попадания вокруг была такая масса артефактов, в смысле магических штук, что просто диву даюсь, насколько зашорен я был. В моем воображении артефакты представлялись эпическими изделиями полубожественной мощи, лучащимися нестерпимой Силой и неземным сиянием кристаллических граней... Тьфу, подкову не хотите, из которой гвозди не выпадают? Или лопату, не просыпающую ни крошки навоза? Или крышку нужника, из-под которой не просачиваются запахи?

Но таких вещей не стал бы делать нанятый маг, никаких денег на это не хватило бы. Да и мэтр – вот не могу представить, как он возится с лопатой, заговаривает ее, натирает декоктами и эликсирами... Значит, по мелочи магичить могут все или почти все. Поистине потрясающая наблюдательность, воин! Две недели подмигивать напевающей под нос поварихе, не замечая молока, что скисает, только когда нужна простокваша. Ходить в туалет, в котором не пахнет, несмотря на все усилия ходящего. Стирать одну рубаху рядом с девицами, за то же время добела отстирывающими десяток таких рубах. Просто все это делалось настолько обыденно и просто, что воспринималось как само собой разумеющееся. Эх, вживаться мне еще и вживаться! Займусь-ка лучше делом.

Походив по двору, набрал штук двадцать ножей и кинжалов. Принес из дома веревки, из кузни – молоток. Срезал кучу ремней с тел. Сколько-то минут подготовки, и можно приступать к подъему. Подниматься решил сразу на башню, без отдельного захода на стену. Кто-то сильно желал уконтропупить Лирия, живой ключ к обороне замка, и то ли знал, то ли как-то засек его местонахождение, но лупили по Дозорной башне от всей души. Изъявленная, покрытая оплавлениями и трещинами поверхность вполне подходила для восхождения, не то что сплошные монолитные бока раньше.

Сто метров... По горизонтали – десяток секунд бегом, минута крайне неторопливой ходьбы. По вертикали те же самые метры оборачивались двумя часами изнурительной работы. Подняться насколько можно, воткнуть кинжал, второй, третий, переместиться, выдернуть и переставить выше. Где нет трещин и воронок, вынуть меч, проделать щель, расширить, пока не войдет лезвие ножа, снова переставить, подтянуться... Когда я перевалил через зубцы на вершине башни, мышцы рук превратились в тряпочки, сердце колотилось бешеным барабаном, одежду

можно было выжимать, а из двадцати с лишним кинжалов осталось только десять. Вдруг страховочная веревка, привязанная к загнанному по рукоять ножу, немного потяжелела, как раз примерно на полкило. Я со стоном обернулся, снова приводя в движение непослушное тело, и свесился через край. Нож болтался в воздухе. Более того, нижние кинжалы, которые я оставил торчать в наиболее неудобных местах, исчезли! Прямо на глазах самый нижний из наличных вывалился и полетел вниз, со звоном ударяясь о камень. Да и стена... она определенно стала более гладкой.

Я громко, даже не думая сдержаться, выматерился. Потом, представив себе обратный путь (притом что руки у человека все-таки верхние конечности), повторил все в еще более соленых выражениях. Хлебнул холодного горного воздуха и раскашлялся. Ветер на высоте дул сильный и ровный, он немного отклонял торчащий из крыши толстый штырь громоотвода и отзывался протяжным звоном в его вершине. Дверь, ведущая со смотровой, кольцом окружающей верх башни, была заперта, но меч быстро решил проблему. Звякнул о камень перерезанный засов, и я вошел внутрь.

Маг Лирий все еще жил. Только узнать в этом трясущемся желе высокого, прямого, как палка, и неутомимо-подвижного старика было нельзя. Он лежал в самом центре, в углублении пола, в мелком круглом бассейне, заполненном темно-красной жидкостью. Вокруг бежали канавки, свиваясь в сложный узор и оплетая пятнадцать симметрично расставленных каменных чаш, высоких и узких, как бокалы. В каждом таком бокале лежало в позе эмбриона по обнаженному женскому телу, совершенно белому. Пол концентрическими кругами повышался к стенам наподобие амфитеатра, и на каждой такой ступеньке лежали тела. В одежде. И у каждого было перерезано горло. Я узнавал лица слуг, их выдернули прямо оттуда, где они находились. У повара Могуты мука испачкала фартук, были мокры рукава у девчушек-постирушек, был даже один солдат, видимо тяжело раненный. Но больше всего было тел незнакомых, в дрянной рваной одежде и со следами на запястьях – сплошь молодые женщины, парни и сильные мужчины средних лет.

Я смотрел на это и чувствовал, как в душе что-то перегорает, словно отваливался какой-то важный, но не необходимый кусочек. Лирий, Лирий... Беленькой, говоришь, поить тебя? Осторожно ступая между телами, стараясь не поскользнуться на черных потеках, я стал спускаться вниз, и меч надежно сидел в моей ладони.

«Явился, чужак... - раздалось внезапно в голове. - Быстрее, у меня осталось мало времени!»

Отвечать я не стал – что толку говорить с мертвецом? Лишь ускорил чуть шаг – не потому, что он заговорил со мной, а просто тела внутри лежали пореже.

«А-а, убивать идешь, мститель? Взгляни-ка сперва на меня»

Мои глаза невольно окинули бесформенную фигуру в бассейне. И расширились – у мага тоже было перерезано горло! Вдобавок запястья и локти демонстрировали синие овалы вен. Тем не менее он все еще был жив, желтые птичьи глаза горели неистовым огнем. Казалось, в них сосредоточилась вся жизненная сила старого мага.

Я пожал плечами: убийца с принципами – тот же убийца.

- «Так не доставайся же ты никому», да?

Как ни странно, маг понял. Да и я его отлично понимал, даром что не знал еще и половины слов.

«Именно. Заклятие уже не остановить, здесь теперь не будет жить никто тысячи и тысячи лет».

- Ну и дурак. Твои враги умрут через сто - двести лет, остальные-то чем провинились?

«Останутся их потомки, но замок Морг взят на копье не будет! Шун Торр может спать спокойно».

Я совершенно неприлично заржал. Смеялся, несмотря на всю неприглядность окружающего и усталость, смеялся - и никак не мог остановиться. Нервы, чтоб их.

- Морг, я почти месяц жил в морге! Мо-орг!

В чувство меня привела мыслеречь мага.

«Знаешь, почему ты жив?»

- Какая разница! Жив, и ладно. Может, Отец на меня смотрит пристально.

«Ты не так туп, как прикидываешься. Мое тело скоро окончательно потеряет жизнеспособность, так что ответь серьезно».

- Да и так уже заболтались. - Я взмахнул мечом, но опустить его не смог.

Взгляд полумертвого мага буквально вскипел. Страшный, пронизывающий взор вонзился, казалось, прямо в мой разум. Тело окаменело, мышцы застыли, а Сила потоком изливалась из его желтых глаз, порабощая помутившееся сознание.

«Ты жив потому, что отмечен мною. Нельзя совершить Печать Йегуса и остаться при этом живых... Но я нашел способ. Ты будешь моим новым вместилищем, а твой дух станет жертвой Печати, потому что скрепляется она смертью призванного».

«Не трудись. Я сильнее тебя, как орел сильнее мыши. Сейчас я вышвырну тебя вовне, и Печать примет твой дух, потому что у нас одно тело на двоих. Сегодня должен умереть дух и должно умереть тело... но кто сказал, что они должны быть одинаковыми?»

В канале магического восприятия я ощутил, как объект Лирий совместился с объектом Рэндом и мгновенно перекроил его параметры, подстроил под себя. Боли не было, я не ощутил вообще ничего - просто тело, гудящее зажатыми мышцами, перестало чувствоваться, будто меня окунули в анестетик. Погасло зрение, слух, все прочие чувства, а затем сознание вышибло в тот странный и пугающий мир абстракций, где я побывал однажды и чуть не сошел с ума.

Сейчас я ступил сюда с толикой предыдущего опыта, вооруженный хоть какой-то теорией, и поэтому еще держался. Совмещенный объект Лирий - Рэндом продолжал усложняться, начал окутываться сонмом каких-то ветвящихся дополнительных параметров - и пропорционально тускнел объект Лирий как отдельное представление. Оставались секунды.

Ведомый странным наитием, я сделал одно-единственное «движение хвостом». Невозможно было тягаться с опытным магом в сложности и изощренности создаваемых объектов, зато можно было уловить их единое свойство, скрытую глубинную суть. Как и тот сверхсложный объект, что вызвал Печать Йегуса, что бы это ни было - или сам являвшийся ею, - все конструкции Лирия сейчас начинались с «М-3». Вообще все. А это значило, что «М-3» можно

вынести за скобки... и одним «движением» заменить на просто «М». То самое «М», что являлось моим уникальным свойством – и которым НЕ обладал маг Лирий, использовавший только «М-2» и «М-3».

Его мгновенно выбросило «из меня». Раздался страшный неслышный рев:

«Ты-ы! Что ты сделал?! ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?!»

...Еще час я холодно молчал, словно отделенный толстым стеклом от беснующегося в кровавом бассейне мага. Он все менее походил на человека, издаваемые им звуки, бульки и хрипы становились все отвратительнее, отголоски его Силы слабели... пока в магическом восприятии не мелькнуло нечто ужасное, названия чему я не мог подобрать, – и крик мгновенно смолк.

Сковывавшая тело пелена чужого заклятия спала, затекшие мышцы с трудом удержали равновесие, а под ногами раздался тихий хруст. Я огляделся по сторонам. Завершенная наконец Печать прихватила с собой всю плоть с тел, осушила до дна бассейн с кровью и оставила на вершине Дозорной башни только чистые, белые, сухие кости.

Я потоптался на месте еще минуту, разглядывая преобразившийся, гм, интерьер. Ну... эпично Печать сработала, ничего не скажешь. Однако для изучавшего физику сие выглядит нелогично. Куда девалась масса? Здесь порядка сотни костяков, что означает не менее пяти – семи тонн плоти и крови. А одежда? А рамка? Котик-то не испарился, а именно что исчез. Загадка, однако.

На противоположной стене помещения имелась еще одна дверь, очевидно, выход на лестницу. Придется прогуляться по ней – спуститься тем же путем, как и явился сюда, я бы уже не смог: стены башни почти восстановили свою целостность.

Искомые ловушки обнаружались только спустя час внимательного осторожного исследования. Простите, мертвые, и покойтесь с миром, но сталкеру нужны ваши кости. Конкретно сейчас – фаланги пальцев. Не уверен, что во всем этом мире есть хоть одна гайка. Я медленно спускался по лестнице, надолго замирая перед каждой площадкой, – логика подсказывала, что удобнее всего размещать защитные устройства здесь. Но логика местным строителям не была помехой – первую ловушку я нашел, наступив на нее в первой трети пролета. Под ногой чуть подалась ступенька, сумасшедший рывок едва не порвал сухожилия... и ничего не произошло. Не обрушился на голову потолок, не вылетел из стены болт, не пронеслось жаркое пламя. Ничего.

Следующая обнаружилась сходным образом. Найдя в стене подозрительный камень, я коснулся его длинной бедренной костью, ранее принадлежавшей какому-то высокому мужчине. Раздался тихий щелчок, и снова все. В течение следующих двух часов я нашел еще полтора десятка подозрительных мест, либо отзывавшихся негромкими звуками, либо вообще никак не реагирующих. Наверняка я прошел еще столько же, если не больше, магических барьеров, однако ни один из них не проявил свой дурной нрав. В итоге все объяснилось просто. В замке у каждого человека имелся свой жетон. Вот и мой по приближении к очередному скрытому препятствию отзывался едва заметным коротким толчком в грудь. А просто отнять или снять с трупа жетон было нельзя – он являлся дарованным при совершении обряда знаком вассалитета и содержал какую-то защиту. Памятуя о разных сбоях вычислительной техники, я еще долго непроизвольно напрягался, проходя опасные места, но, видимо, магия была надежнее.

На первичное поверхностное обследование замка понадобился остаток этого и весь следующий день. Ночевал в жилом доме, только в другой комнате. Наутро, подкрепившись как следует на кухне, я отправился на разведку. Прежде чем начинать вдумчивое освоение замка, требовалось хотя бы оглядеться на местности. Вдруг кто придет в самый неподходящий момент? Сначала я опять поднялся на вершину Дозорной башни и долго смотрел на великолепную панораму.

На востоке громоздились сплошные ряды гор, одна выше другой. Дальние вершины подпирали небо своими белоснежными шапками, ниже опоясываясь разноцветными кольцами растительной зональности. В сущности, замок располагался на отрогах этого огромного хребта, на большой скале, сложенной прочным камнем, мало подвергшемся выветриванию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)